

А. РАНОВИЧ

ЭЛЛИНИЗМ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ

Абрам Ранович

Эллинизм и его историческая роль

«Алетейя»

Ранович А. Б.

Эллинизм и его историческая роль / А. Б. Ранович — «Алетейя»,

ISBN 978-5-907189-81-2

Данная монография – не учебник, не справочник и не «история эллинизма». Задача автора была иная – исследовать закономерности истории эллинизма, определить место и значение в истории античного рабовладельческого общества, включить в общий закономерный процесс исторического развития народов древности. В этом смысле монография – труд философского и исторического характера, в которой много внимания уделено специальным вопросам, темам проблемного характера. Фактическая история эллинизма дана довольно систематически, и читатель сумеет получить ясное представление о последовательном ходе политической, экономической и культурной истории эллинизма. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

ISBN 978-5-907189-81-2

© Ранович А. Б.

© Алетейя

Содержание

От автора	5
Глава I	6
Глава II	25
Глава III	51
Конец ознакомительного фрагмента.	60

А. Б. Ранович

Эллинизм и его историческая роль

От автора

Написанная мною монография «Эллинизм и его историческая роль» будет, надо полагать, обсуждена, товарищи дадут мне ценные и полезные указания, подвергнут строгой критике мои основные положения и конкретно-исторические выводы и тем самым помогут мне при подготовке рукописи к печати внести улучшения и поправки, устранить ошибки и недочеты.

Для облегчения труда критиков и рецензентов я хотел бы сделать лишь одно предварительное замечание. Моя монография – не учебник, не курс истории, не справочник и не «история эллинизма». Я не ставил себе задачи дать систематическое, полное изложение политической, экономической и культурной истории эллинизма. Моя задача была иная – исследовать закономерности истории эллинизма, определить место и значение эллинизма в истории античного рабовладельческого общества, включить эллинизм в общий закономерный процесс исторического развития народов древности. В этом смысле моя монография – труд столько же философского, сколько исторического характера. Я поэтому и не стремился к равномерности и полноте изложения; я уделил много внимания некоторым специальным вопросам, темам проблемного характера и ограничивался иной раз лишь суммарным изложением политической истории, не требующей специального теоретического исследования.

Понятно, моя монография основана на конкретном исследовании ведущих стран эллинистического мира; она, мне кажется, весьма далека от схематизма Белоха, Ростовцева, Кэрста и др. Хотя «аппарат» у меня довольно скупой (я ссылаюсь на источники только там, где я их прямо цитирую), но использовал я для своей работы очень большое количество источников, во всяком случае все доступные главные источники. Я поэтому позволяю себе надеяться, что мои выводы в основном правильны и что моя работа хоть немного, но все же двигает науку вперед – в этом смысл и цель всякого научного исследования. Именно с этой точки зрения я ожидаю от товарищей критики и помощи. А что касается подробного изложения событий и описания исторических явлений, скажем, правления Птолемея XIII или описания Фаросского маяка, читатель найдет это в соответствующих общих работах по истории эллинизма. Совершенно очевидно, что в работу объемом 20–22 листа нельзя включить весь материал истории эллинизма, и не в этом состояла моя задача, не в этом значение и смысл моей работы. Я посвятил всего несколько страниц истории Родоса или александрийской литературе; но я надеюсь, что вся работа в целом поможет специалисту, изучающему историю Родоса или эллинистической литературы, осмыслить правильно эту историю.

Фактическая история эллинизма у меня дана довольно систематически, и читатель сумеет получить довольно ясное представление о последовательном ходе политической, экономической и культурной истории эллинизма. Все же я допускаю, что некоторые дополнения, какие подскажут товарищи, были бы целесообразны с точки зрения большей ясности картины.

В частности, я подготовил главу о Пергаме и о Боспорском царстве, но не успел по болезни ее написать...

Основное мое пожелание – критиковать мою работу не с точки зрения того, чего в ней нет, а с точки зрения того, что в ней есть, что она может дать нашей науке, нашему народу.

А. Ранович

Глава I

Основные проблемы истории эллинизма

История эллинизма мало привлекала историков, и до середины XIX в. она совершенно не была разработана. После великих достижений культуры Афинской рабовладельческой демократии V в., создавшей изумительные, до сих пор пленяющие нас произведения искусства, выдвинувшей гениальных философов, выдающихся государственных деятелей, непревзойденных мастеров художественного слова, вся последующая история Греции представлялась бледной, малосодержательной, не стоящей внимания. От обаятельной классической Греции историки предпочитали перейти к республиканскому Риму, в преданиях которого находили поучительные образцы гражданской доблести и военного искусства, и лишь бегло касались истории эллинизма. Только Александр Македонский, великий завоеватель, поразивший воображение не только современников, но и последующих поколений, занимал в истории античности подобающее место. Но при изучении истории Александра ограничивались констатированием факта, что после его смерти воздвигнутое им грандиозное сооружение рассыпалось.

К тому же недостаточность источников и трудность их истолкования и согласования, чрезвычайная сложность политической истории эллинизма отпугивали исследователей, считавших слишком неблагоприятной задачу распутывания клубка источников ради выяснения мало интересного периода истории, периода упадка и иссякания творческих сил греческого народа. У Нибура даже вырвалось пожелание: «чтобы земля разверзлась и поглотила всех македонцев».

Между тем эллинизм – целая эпоха в истории древности. Он обнимает три столетия – от 336 г. (год воцарения Александра) до 30 г. до н. э. (год завоевания Римом последнего крупного эллинистического государства – Египта). Он охватывает почти весь тогдашний цивилизованный мир, от Сицилии до Индии, от Нубии до Боспора и Скифии; его влияние проникло до Италии и Испании на западе, до Китая на востоке. Можно сказать, что история эллинизма – это всемирная история того времени. В нем зародились идеи – научные, философские, этические, религиозные, которые веками владели миром. Произошли значительные сдвиги в экономике, в политических формах, в общественном сознании, в культуре. Независимо от той или иной исторической оценки происшедших изменений их нельзя, очевидно, игнорировать историку, стремящемуся осмыслить исторический процесс. Интерес к эллинизму в конце концов должен был возникнуть.

Впервые сто лет назад Дройзен ввел в науку самые термины «эллинизм», «эллинистический». С тех пор эта интересная эпоха изучается все серьезнее и глубже. Этому способствует непрерывный рост числа источников благодаря археологическим открытиям.

Буржуазная историография, однако, до последнего времени не только не создала единой стройной системы истории эллинизма, не только не установила единства взглядов на сущность эллинизма и его историческую роль, но даже не достигла единомыслия в определении географических и хронологических границ его. Дройзен довел изложение (главным образом политической, даже только военно-политической) истории эллинизма до 222 г. до н. э. Белох в третьем томе «Истории Греции» считает границей эллинизма 217 г. до н. э., когда римляне впервые вступили на территорию Балканского полуострова (в Иллирии), начав, таким образом, римский период древней истории. Чаще всего концом эллинизма считают 146 или 31 г.

По отдельным эллинистическим странам и по отдельным проблемам истории эллинизма написаны за последние десятилетия обширные серьезные исследования, но об эллинизме в целом серьезных трудов не появилось. Исключение составляет, пожалуй, представляющая

несомненный интерес книга Тарна «The Hellenistic civilization», вышедшая впервые в 1927 г.¹ В 1941 г. вышел большой труд М. Ростовцева «The social and economic history of the hellenistic world», знаменующий, несомненно, определенный этап в разработке социально-экономической истории эллинизма в буржуазной историографии. Но и в этой книге, независимо от порочного модернизаторского подхода к явлениям социальной и экономической истории, политическая история обрисована лишь общими штрихами, а эллинистическая культура и вовсе не затрагивается.

В небольшой книжке об эллинистической религии, вышедшей в 1937 г., В. Шубарт пишет: «Понятие “эллинизм” в отличие от “эллинизма”, благодаря как научной работе, так и открытиям за сто лет, стало настолько отчетливым, что при рассмотрении его по существу требуется всего лишь несколько слов, чтобы уверенно наметить основные линии»².

Слова эти звучат насмешкой. В действительности до сих пор буржуазные историки не только не пришли к общему мнению в определении сущности эллинизма, но и не нашли пути, по которому можно придти к удовлетворительному пониманию этой сущности.

«Что такое эллинизм? – спрашивает Тарн. – Для одних это – новая культура, сложившаяся из греческих и восточных элементов; для других – проникновение, распространение греческой культуры на Восток; для иных он – продолжение чистой линии древнегреческой цивилизации, для других – та же цивилизация, видоизмененная в новых условиях». Во всех этих определениях, по мнению Тарна, содержится истина, но не вся истина. Однако все эти определения трактуют эллинизм лишь как явление культуры, что при современном состоянии нашего знания этой эпохи явно недостаточно, не говоря уже о том, что эта культура сама требует объяснения в материальных условиях жизни. Сам Тарн ограничивается формальным определением: «Эллинизм – условное обозначение цивилизации трех столетий, в течение которых греческая культура воссияла вдали от родины». Правда, вслед за этим Тарн, устанавливая две стадии эллинизма, дает им более содержательную характеристику. Первая стадия – творческая, созидаящая новое в философии, науке, литературе, в политике и государственных формах, с независимым греко-македонским миром, несущим свою цивилизацию на Восток; вторая стадия характеризуется иссяканием творчества, духовной и материальной реакцией Востока на Запад, греко-македонцы оказываются зажатыми между этим воздействием Востока и Римом. Окончательное суждение о сущности эллинизма Тарн оставляет на усмотрение читателя.

А между тем в ходе изложения Тарн делает немало интересных наблюдений. В частности, надо отметить то значение, какое Тарн придает рабству. Коренным отличием эллинизма от капиталистического мира он считает то, что эллинистический мир был «лишен машин и полон рабов» (стр. 2). «Чтобы видеть эллинистическое общество, каким оно было в действительности, не следует ни на миг упускать из виду его рабовладельческую подоплеку» (the slave background, стр. 6). Но из этого тезиса Тарн не делает надлежащих выводов и не развивает его.

Другие историки ищут корни эллинизма и причины его упадка в особых свойствах греческого интеллекта, в господстве тех или иных идей. В этом отношении типична небольшая, вышедшая в 1925 г. работа Эд. Мейера «Die Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien» (1925). Упадок эллинизма с конца III в. Эд. Мейер объясняет «внутренним распадом греческого духа», разлагающим действием восточных монархий и восточных религий, ослаблением культуры в результате ее вульгаризации, упадком творческого духа (стр. 60). Психологическое, даже мистическое начало в качестве объяснения исторической эпохи свидетельствует лишь о «внутреннем распаде» и «упадке творческого духа» самого Эд. Мейера, но никак не может удовлетворить даже буржуазного ученого, стремящегося выйти за границы чистого описания, притом субъективного.

¹ Русский перевод С. А. Ляковского вышел в 1949 г. – *Ред.*

² W. Schubart. Die religiöse Haltung des frühen Hellenismus, стр. 3–4.

Публикации эпиграфических и папирологических источников, дающих обильный, хотя и не всегда достаточный материал, касающийся социально-экономических отношений в период эллинизма, вызвали появление ряда специальных работ, посвященных экономическим проблемам эллинизма в отдельных странах в отдельные периоды. Таковы ценные работы М. М. Хвостова: «История восточной торговли греко-римского Египта», «Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте» и другие исследования.

Завершением этих работ в буржуазной историографии является упомянутый трехтомный труд М. Ростовцева о социально-экономической истории эллинистического мира, вышедший в 1941 г.

Ростовцев расходится с большинством буржуазных историков в оценке эллинизма как явления лишь культурно-исторического. Напротив, именно в области культуры эллинизм не принес, по мнению Ростовцева, ничего принципиально нового. В другой своей книге «The social and economic history of the Roman Empire» он подчеркивает, что эллинистическая культура – не греко-восточная, а греческая со слабой примесью восточных элементов. Восток сохранил свою культуру; эллинизм был лишь внешним налетом на ней, да и то заметен только в городах. Эллинистическая культура – раздел в истории греческой культуры³.

В «Социально-экономической истории эллинистического мира» Ростовцев рассматривает «эллинистический мир» не только как некое культурное единство, а как единство политическое и экономическое.

Хотя на протяжении всего своего труда Ростовцев дает подробные сведения, касающиеся экономической жизни и социальных отношений различных эллинистических государств на всех этапах эллинизма, он не сумел обнаружить и показать какие-либо закономерности, найти основную линию развития эллинистической экономики. И не потому, что Ростовцев не чувствует потребности в этом. В своей книге он пытается выделить основные, ведущие «факторы», осмыслить исторический процесс, показать экономическую базу эллинизма. Но эта задача ему не под силу вследствие буржуазной ограниченности его творческих установок. Как и все буржуазные историки, Ростовцев не видит основного, – что развитие обществ определяется развитием производственных отношений; он не приемлет учения о социально-экономических формациях; отсюда – неумение ввести отдельные явления в систему, усмотреть за разнообразными и противоречивыми факторами связующее их единство и, наоборот, обнаружить специфичность и разновидность в сходных по видимости явлениях.

Непонимание существа социально-экономических формаций неизбежно ведет к модернизации древней истории, к смешению принципиально различных экономических категорий, к перенесению в античность отношений феодального и особенно буржуазного общества. Тарн перечисляет ряд черт эллинизма, сближающих его с буржуазной современностью: существование различных государств с единой культурой; колебание цен и заработной платы; забастовки и революции; рост идей гуманности и братства и одновременно – жестокая борьба; эмансипация женщин и падение рождаемости; вопросы свободы и представительства; эмиграция и пролетариат; точные науки и рядом – суеверие; огромная литература по всем отраслям знания, но нет уже великих людей прошлого; распространение образования, и в результате – масса полуобразованных людей. Правда, Тарн отмечает, что сходство – не тождество, что египетские и современные забастовки, коммунизм и стоическая *κοινωνία* – разные вещи. Но это тривиальное замечание не устраняет основного ошибочного представления об отсутствии принципиальной грани между античностью и современностью. Все же Тарн, как мы видели, считает необходимым никогда не упускать из виду существования рабства при изучении эллинизма.

³ Особенно решительно формулирует эту точку зрения Шубарт, хотя в противоположность М. Ростовцеву, считает эллинизм явлением только культурным, причем «эллинический дух» творил на восточной основе, не сливаясь с ней. Эллинизм, по Шубарту, означает выход эллинических сил на широкую арену. Эллинизм – это развертывание эллинизма, его превращение в мировое явление, он – спонтанное завершение (*gewollte Vollendung*) эллинистического духа.

Ростовцев же не делает различия между свободным и рабским трудом. Для характеристики социальных отношений в период эллинизма он применяет термины «буржуазия», «пролетариат», «феодалы», «крепостные», не задумываясь над спецификой сходных лишь по видимости явлений, над решающими особенностями общественных отношений в античности.

Отрицание социально-экономических формаций – основной порок буржуазной историографии. Тщательность исследования при эмпирическом рассмотрении деталей сменяется полной беспомощностью, когда дело доходит до широких исторических обобщений; здесь детали заслоняют целое, которое оказывается бесцветным, лишенным исторического своеобразия; история превращается в сумму отдельных событий, не связанных какими-либо историческими закономерностями. Это все равно, как если бы сводить сложные машины различной конструкции к сумме колес, рычагов и т. д.

Эмпиризм буржуазных ученых отнюдь не свидетельствует только о неумении понять исторический процесс в целом; за ним скрывается буржуазная классовая установка – признание вечности и неизменности социальных категорий капиталистического общества и тем самым вечности самого этого общества.

Буржуазная концепция истории мстит за себя тем, что не дает возможности правильно осмыслить историю. Собрав, систематизировав и исследовав громадный материал источников, Ростовцев все же не мог в объяснении роста и упадка эллинистических государств и эллинистической экономики пойти дальше психологических мотивов, так же как он, даже по собственному признанию, оказался бессильным объяснить падение Римской империи.

Чисто эмпирический подход к истории лишает историка критерия для оценки интересующих его явлений. Можно ли говорить об упадке в последние два столетия эллинизма? Это зависит от точки зрения, отвечает Тарн: если, например, ценить углубление религиозного чувства, мы наблюдаем в конце эллинизма рост; при противоречивости реальной действительности трудно сказать, что типично для эллинизма II в. – рынок рабов на Делосе или манумиссии в Дельфах, бесплодие перипатетиков или творчество стоиков. И Тарн предоставляет окончательное суждение опять-таки читателю. А Ростовцев в специальной статье, посвященной упадку античного мира⁴, высказывает сомнение, было ли падение Римской империи. Это зависит от «точки зрения»; произошло распадение империи, но оно компенсируется консолидацией церкви; выродилась античная культура, но создалась культура христианская и т. д.

Апелляция к «различным точкам зрения» в сущности означает отсутствие собственной; вернее, здесь обнаруживается диктуемое классовыми мотивами нежелание видеть закономерности исторического процесса, чтобы успокоиться на вере в неизменность судеб человечества на всем протяжении истории, на иллюзиях классового мира, на незыблемой основе «вечных истин» буржуазной морали.

Изучить эллинизм как историческую эпоху и понять его во всем его своеобразии нельзя без учета того основного факта, что эллинизм – этап в истории античного рабовладельческого общества, что он, следовательно, не представляет какого-то неисповедимого сцепления случайностей, а был исторически необходимым результатом всего предшествующего развития античной Греции с ее специфическими закономерностями рабовладельческого строя жизни. Конечно, многое эллинизм сохранил от классического периода. Эллинизм же в целом представлял хотя общественный переворот, но не революцию, так как оставил в неприкосновенности основную структуру общества, и изучать его следует в связи с историей рабовладельческого общества в целом.

В первую очередь, естественно, необходимо подвергнуть анализу те изменения во всех областях экономики, политики и идеологии, которые характерны для этого периода, и найти материальное объяснение происшедших изменений. И вот здесь сказывается бесплодность

⁴ «The decay of the ancient world», – Economic history review, II, 2, 1930.

усилий буржуазных историков, не знающих или не признающих основных закономерностей социально-экономических формаций. Так, Vevan в своем труде «The House of the Seleucids» (v. I, L., 1902, стр. 11) пытается найти корни эллинизма в предшествующей истории Греции: греческая цивилизация «была создана городом-государством в силу некоторых качеств, которыми обладали объединения этого типа, но которыми не обладали восточные деспотии – сравнительная ограниченность территории, внутренняя свобода и привычка к свободному обмену мыслей. Но к IV в. до н. э. стало очевидным, что эти именно качества влекут за собой тяжелые пороки. Ожесточенные партийные раздоры в этих свободных городах часто становились необычайно длительными и приводили к страшным жестокостям. Почти всюду энергия народа растрчивалась в непрерывных распрях. Несовершенства маленьких государств становились все более явными, а между тем сама ограниченность их территории казалась необходимой для свободы. Греки теперь стали также страдать от своей отсталости в области религии». Оказывается, что кризис классической Греции, коренным образом изменивший физиономию общества, вызван привычкой к публичным прениям, свободой мнений и несовершенством религии. Такое наивное «объяснение» целой исторической эпохи вызвано не только идеалистическим мировоззрением автора, но и отсутствием серьезного критерия для оценки исторических явлений, вследствие чего автор не отличает существенного от случайного, причины от следствия.

Причины возникновения и упадка эллинизма надо искать в основных противоречиях рабовладельческого строя древней Греции. Греческие города-государства развивались неравномерно. Наряду с крупными городами, как Афины, Коринф, Мегары, с развитым ремеслом и торговлей, существовали отсталые районы, еще не ликвидировавшие пережитков родового строя, с примитивными формами хозяйства, со слабыми зачатками городской жизни. Обособленность городов-государств способствовала длительному сохранению бок о бок рабовладельческих общин разного типа. Форма апроприации личности непосредственного производителя также была различна. Илоты в Спарте, пенесты в Фессалии характеризуют неразвитые типы рабовладельческого общества в соответствии с общей отсталостью экономики и общественного строя в этих областях. Наивысшего расцвета античная рабовладельческая формация достигла в Афинах, где поэтому отчетливее выступают основные исторические закономерности и основные противоречия рабовладельческого общества. В хозяйственном отношении мы здесь наблюдали максимальную в античности степень преодоления натурального хозяйства; здесь достигнута и наивысшая для античности политическая форма рабовладельческой демократии. Эксплуатация рабского труда здесь представлена в наиболее чистом виде.

В V в. Афины достигли вершины своей экономической и политической мощи, дали миру величайшие достижения в области культуры. Но с этой вершины начинается неуклонное падение, наступает кризис.

Это не случайное явление. Только коммунистическое общество, где уничтожены общественные антагонизмы, имеет беспредельные перспективы развития. В классово-эксплуататорском обществе внутренние классовые противоречия делают развитие возможным лишь в ограниченных пределах. Внутри известных границ возможны величайшие достижения, расцвет культуры, рост производительных сил. Но наступает момент, когда эти границы становятся тесными, и тогда либо их прорывает социальная революция, либо общество должно развалиться.

В рабовладельческом обществе пределы развития ограничены существованием рабства. Рабский труд служит препятствием для роста производительности труда, для развития общественного разделения труда. Говоря о производстве, основанном на рабстве, Маркс в «Капитале» отмечает: «...экономический принцип такого способа производства – применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче»⁵. «...правило рабовладельческого хозяй-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 217, прим. 17.

ства тех стран, в которые ввозятся рабы, таково: самая действительная экономия заключается в том, чтобы выжать из человеческого скота (human cattle) возможно большую массу труда в возможно меньший промежуток времени»⁶. Технический прогресс в античности поэтому был совершенно ничтожен.

Рабский труд не стимулировал технической мысли не только потому, что при неограниченных возможностях добывания рабов и подневольном характере их труда расширение производства достигалось главным образом увеличением числа занятых в производстве рабов. Само отношение к труду как к рабскому занятию, презрение к труду было серьезным препятствием росту производительных сил. Правда, труд земледельца не считался зазорным; ведь основу древних полисов составлял коллектив землевладельцев. В идиллиях и буколиках идеализировали труд земледельца, а анекдот о Цинциннате, шествующем за плугом, и сейчас преподносится в буржуазной школе как достойный образец. Но концентрация земельной собственности в руках немногих, появление значительных земельных владений, обрабатываемых рабами, сделали и труд земледельца мало почетным занятием; греческое *ἀγροῖκος*, как и латинское *rústicus*, означает крестьянина и вместе с тем грубого, невежественного мужлана. При таком отношении к труду как к рабскому занятию не только ремесло, но и сельскохозяйственный труд сохраняли рутинную технику. Только военное дело и искусство обнаруживают технический прогресс.

Великие греческие мыслители и ученые не ставили себе задачи совершенствовать орудия труда, изобретать новые, овладевать новыми видами энергии. Рабский труд делал это не только ненужным, лишним, но и не заслуживающим внимания ученого. Поэтому, производство, хотя и достигало в отдельных отраслях высокого мастерства (производство керамики, ткани, вина), в общем сохраняло традиционные приемы. «Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса как окончательную. Поэтому ее технический базис революционен, между тем как у всех прежних способов производства базис был по существу консервативен»⁷.

Указанные особенности рабовладельческого способа производства неизбежно должны были привести в древней Греции к торговому кризису. В основном производство в древности носит натуральный характер, и бытие людей как товаропроизводителей играет подчиненную роль. Но в некоторых греческих городах-государствах, например в Афинах или Коринфе, товарность хозяйства была высока, и торговля была жизненно необходимым условием экономического благополучия. В частности, Аттика нуждалась в привозном хлебе, а для ввоза хлеба надо было вывозить товары, чтобы иметь деньги. Но при рабовладельческом способе производства возможно только экстенсивное расширение рынка, и уже в силу этого оно не может быть беспредельным. Кроме того, несложное производство легко осваивается потребителями товаров, что приводит к вытеснению привозных товаров местными. Археологические исследования последнего времени выясняют все более значительную роль местного производства в Северном Причерноморье, одном из важнейших рынков сбыта греческих товаров.

Относительное и абсолютное сужение рынков приводит к ожесточенной конкуренции между греческими городами по мере того, как они втягиваются в торговый оборот; таким образом, падение торговли осложняется острыми противоречиями и военными столкновениями между греческими городами-государствами. Экономическая автаркия полиса превращается с течением времени в стеснительные оковы, в источник тревог, волнений, разорения, обнищания.

В процессе развития рабовладельческого общества изменяются также отношения собственности. Развитие рабства, денежных отношений, обмена разлагает традиционные отноше-

⁶ Там же, стр. 293.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 533–534.

ния, которые мыслились (по крайней мере в идеале) как равенство членов рабовладельческого класса; господство этого класса в целом и было воплощено в афинской демократии. Но «там, где уже имеется налицо отделение членов общины, как частных собственников, от самих себя, как городской общины и как людей, распоряжающихся территорией города, там появляются также и такие условия, в силу которых отдельный человек может лишиться своей собственности, т. е. может лишиться того двойного отношения, которое делает его равноправным гражданином, членом коллектива и собственником»⁸. Классовая борьба между богатыми и бедными, борьба внутри рабовладельческого класса становится, таким образом, исторически неизбежной, усложняя классовую борьбу между рабовладельцами и рабами. Социальные утопии Платона были выражением стремления рабовладельческого класса преодолеть хотя бы в мечтах борьбу классов.

Ограниченность рамок, в которых развивается рабовладельческое общество, не допускает – внутри этих рамок – воспроизводства беспредельно. «Воспроизводство является в то же самое время по необходимости производством заново старой формы и разрушением ее»⁹. «В самом акте воспроизводства меняются не только объективные условия, так что, например, деревня становится городом, дебри – очищенным от леса полем и т. д., но производители сами меняются, вырабатывая в себе новые качества, развивая самих себя благодаря производству, переделывают себя, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык»¹⁰. «Определенная ступень развития производительных сил трудящихся субъектов (которой соответствуют определенные отношения их между собой и к природе) – вот в чем, в конечном счете, причина разложения как коллектива, в который они организованы, так и основанной на нем собственности. До известной точки – воспроизводство. Затем переходит в разложение»¹¹. Разложение способа производства, таким образом, неизбежный продукт диалектического развития рабовладельческой социально-экономической формации, а вследствие узости, ограниченности и связанности ее экономической базы это разложение сказывается довольно быстро.

В Греции кризис наступил уже в конце V в. до н. э., после Пелопоннесской войны. С особенной отчетливостью проявляется кризис политический. Самодовлеющий полис, вполне удовлетворявший интересам рабовладельцев при относительно ограниченном производстве, стал тесен с ростом производства, с расширением обмена и денежных отношений, с увеличением товарности хозяйства. Углубление противоречий внутри рабовладельческого класса, усиление классовой борьбы, принявшей открытые формы (бегство 20 000 рабов в Декелею на сторону спартанцев в Пелопоннесскую войну) привели к тому, что полис перестал давать своим гражданам устойчивость против гнетущих общественных сил, уверенность в себе, в своих силах. Жизнерадостность и гармоничность, чарующие вас в классическом греческом искусстве, были выражением той прочности существования, которую гарантировал гражданину полис, хотя только в своих ограниченных пределах. В IV в. полис экономически и политически не соответствовал больше тем условиям, которые вызвали его к жизни и давали ему устойчивость и силу.

Обеднение граждан, многие из которых уже не в состоянии были сами снаряжать себя в поход, привело к тому, что народное ополчение все больше и чаще заменяется наемным войском. В Аттике уже в начале IV в. Ификрат выступает как вождь наемников и соответственно этому реорганизует военную тактику. Создание наемного войска из солдат-профессионалов отрывало гражданина от его полиса, а в руках полководца оно могло служить орудием, направляемым и против собственного народа. Служба в войске из обязанности и привилегии гражд-

⁸ К. М а р к с. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1940, № 1, стр. 24.

⁹ Там же, стр. 23.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 24.

данина превращается в профессию, и гражданство соответственно лишается реальной силы и политического значения в полисе.

Политический кризис полиса был осознан раньше всего. Это отразилось вначале лишь в философских идеях и в публицистике, рассчитанной на узкий круг верхов рабовладельческого класса. Уже софист Горгий в своем выступлении в Олимпии призывал греков к единомыслию (ὁμόνοια), к единению против общего врага – персов.

Аристотель, считающий полис нормальной и правильной формой государственной организации, отмечает, однако, в «Политике» (IV, 6), что «эллинизм могло бы править миром, если бы добилось единого государственного устройства». А Исократ в своем сочинении, обращенном к Филиппу Македонскому, уже прямо призывает его стать арбитром по всем греческим делам.

У Зенона-стоика идея единства – и не только греков, но и всего человечества – приняла характер социальной утопии. По словам Плутарха, «достойная удивления полития основоположника школы стоиков сводится к тому пункту, чтобы мы жили не по полисам и по демам, различаясь каждый своими особыми законами (δικαίους), но чтобы мы считали всех людей демотами и гражданами, чтобы был один образ и строй (κόσμος) жизни, подобно тому, как стадо пользуется по общему закону общим пастбищем» (de fort. Alex. I, 6).

Больше всего стремление выйти за пределы полиса выразилось в новом представлении об эллинской культуре. В «Панегирике», написанном в 380 г., Исократ пишет (гл. 50): «благодаря эллинской культуре имя “эллин” означает уже не происхождение, а духовный склад (διάνοια); эллинами теперь называют уже не людей, связанных кровным родством, а приобщившихся к нашему просвещению». Впоследствии Александру и его преемникам стали приписывать сознательную программу объединения Востока и Запада для создания единой мировой культуры. По Диодору, Александр практиковал «синойкизмы городов и переводы людей из Азии в Европу и, наоборот, из Европы в Азию, чтобы брачными союзами и общением привести оба величайших материка к общему единомыслию и родственной дружбе» (XVIII, 4, 4). По Плутарху (de fort. Alex. I, 6), Александр «не последовал совету Аристотеля – обращаться с эллинами, как вождь (ἡγεμονικῶς), а с варварами, как деспот, о первых пещись, как о друзьях и близких, а этих использовать, как животных или растения... Но считая, что он явился по божьей воле (θεόθεν) устройтелем и примирителем (ἀρμονιστῆς καὶ διαλλακτῆς) для всех, он, кого не мог соединить путем убеждения, тех принуждал силой оружия, сводил в одно, как в кратере дружбы, людей отовсюду, смешал быт и нравы, браки и образы жизни, и предписал всем считать отечеством вселенную, акрополем и крепостью – лагерь, родными – хороших людей, чужими – дурных, различать людей не по одежде..., а видеть эллинизм в добродетели, варварство – в пороке».

Вряд ли действительно Александр отчетливо сформулировал те задачи, какие ему приписывает Плутарх, но объективные результаты завоеваний Александра были именно таковы. Вообще вопрос о том, в какой мере Александр творил историю сознательно, не может быть решен окончательно. В своей первой работе «История Александра Великого» И. Дройзен заявляет: «Имя Александр означает конец одной мировой эпохи и начало новой». Примерно то же говорит У. Вилькен: «Все дальнейшее течение истории политической, хозяйственной и культурной жизни последующих времен нельзя понять, если отвлечься от дела жизни Александра»¹². С этим можно согласиться, если понимать под «делом жизни Александра» объективные последствия его деятельности, включенной в рамки условий того времени, которое выдвинуло и создало Александра. Но Вилькен, как и другие поклонники Александра, склонен приписать эллинизм личному гению Александра и его исторической прозорливости, а для такого утверждения нет данных. Гораздо ближе к истине другая точка зрения, представленная

¹² U. W i l c k e n . Alexander der Grosse, Lpz., 1931, стр. 246.

в частности у Ф. Г. Мищенко в его чрезвычайно содержательном введении к переводу Полибия «Федеративная Эллада». «Успехи эллинизма в македонский период, – пишет Ф. Мищенко, – вовсе не входили в планы Александра, Селевкидов, Птолемея, Антигонидов; об этом лучше всего свидетельствует обращение их с собственной Элладой, откуда возможно было ждать еще серьезного противодействия. Могущественные владыки, поддаваясь обаянию эллинской образованности, старались украсить свои столицы и дворцы произведениями эллинского ума, применяли к новым городам испытанные уже формы правления, но никому из них и на мысль не приходило организовать производительные силы этой самой нации для независимого, достойного существования» (стр. XXXVIII–XXXIX).

Самые завоевания Александра были подготовлены в предшествующее время. Идея реванша была политической формой, в которой выразилось вызванное кризисом стремление к единству. Война с Персией была решена в 337 г. на заседании Коринфского конгресса¹³, и уже в 336 г. Парменион и Аттал переправились в Азию. Нет смысла строить догадки о том, как пошли бы дела, если бы Филипп не был убит в 336 г. и сам руководил военными операциями, или если бы не Александр, а Пердикка или Антипатр оказались во главе войска. Важно то, что задача завоевания Востока была поставлена в порядок дня и разрешена Александром. Другой на его месте, за исключением, быть может, Филиппа, разрешил бы ее не так быстро и успешно, и конкретные результаты были бы иные. Но Александр сумел проявить свои способности только потому, что материальные условия жизни поставили перед ним грандиозную задачу.

Рабовладельческое общество в Греции IV в. дошло до предела своего возможного развития и вступило в полосу экономического и политического кризиса, который не мог более быть разрешен в существующих формах общества. Революционный выход из положения в то время был закрыт; рабы не были классом для себя, способным свергнуть рабовладельческий строй общества и перестроить его на новых началах. Выходом для рабовладельцев могло быть только создание, путем завоевания, более обширного экономического единства, дающего возможность воспроизвести старый процесс развития на более высокой ступени. Основные классовые противоречия при этом не устраняются; рабовладельческий класс получает лишь кратковременную передышку, и новый кризис неизбежен. «Там, где рабство является господствующей формой производства, там труд становится рабской деятельностью, т. е. чем-то бесчестящим свободных людей. Благодаря этому закрывается выход из подобного способа производства, в то время как, с другой стороны, требуется устранение его, ибо для развития производства рабство является помехой. Всякое покоящееся на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия. Разрешение его дается в большинстве случаев насильственным покорением гибнущего общества другими, более сильными (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор, пока эти последние, в свою очередь, покоятся на рабском труде, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на высшей ступени, пока, наконец, (Рим) не был покорен народом, введшим вместо рабства новый способ производства»¹⁴.

Завоевание Александром Востока было в интересах не только Греции и Македонии, но и господствующего класса наиболее развитых областей Востока. Здесь, правда, рабство не играло такой роли, как в Греции; сохранение общины приводило к застойности общества, движение совершалось медленно, противоречия нарастали вялыми темпами. Но и здесь в крупных торговых центрах с высокоразвитым рабовладельческим хозяйством ощущалась потребность в расширении экономической базы. Этим, вероятно, надо объяснить сравнительно легкое покорение

¹³ Анализ текстов (особенно эпиграфических), относящихся к заседаниям Коринфского союза, см. в книге U. Wilcke n «Philipp II von Makedonien und die panhellenistische Idee», В., 1929.

¹⁴ Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 450.

рение Вавилона Киром, почти не встретившим сопротивления. Хотя держава Александра была тоже «случайным конгломератом» народов, не спаянных, а лишь искусственно связанных силой завоевания, как государство Ахеменидов, все же покорение Персии Александром означало для нее переход на более высокую ступень развития. Поэтому торговые города Востока и в первую очередь богатые слои населения быстро эллинизировались и были опорой завоевателей.

Из аморгосской надписи (279 г.) мы узнаем, что одним из организаторов островитян, собравшихся на Самосе, чтобы провести учрежденное Птолемеем II празднество в честь Птолемея Сотера, был сидонский царь Филокл. Недавно открытые в Уруке клинописные таблички рисуют примкнувшего к новой власти вавилонянина Унубаллита. Как нам хорошо известно, в Иудее так называемые «эллинисты», сторонники сближения с эллинской культурой, представляли собой иерусалимскую знать, вплоть до первосвященников. Конечно, на основании таких отдельных фактов рискованно делать обобщения о социальной опоре Александра и его преемников на Востоке. Но эти факты симптоматичны.

Связи между Востоком и Западом были и до Александра. Финикийцы проникли далеко на Запад, а в Греции имели свои торговые фактории. Навкратис была форпостом греческой цивилизации в Египте. Малоазиатские приморские города находились в тесных экономических связях с материковой Грецией и островами. Но торговцы в чужих странах оставались чужаками, их правовое положение было непрочным, их операции не могли достигнуть большого размаха. В глубь Азии эллинское влияние не проникало. В Сирии не было ни одной греческой колонии. Включение Востока в систему эллинских монархий открыло широкий простор для торговли не только греков на Востоке, но и Востока в Греции.

Что касается Греции, то она прежде всего потеряла политическую независимость.

Те греческие политические деятели, которые пропагандировали идею панэллинского союза под гегемонией Македонии (Исократ, Эсхин), вряд ли обманывались насчет последствий этого «союза». Но классовый интерес побуждал жертвовать политической независимостью в надежде найти под эгидой монархии защиту против трудящихся. На Коринфском конгрессе 338 г. было принято решение, по которому союзному совету поручается иметь наблюдение, «чтобы в союзных государствах не происходило изгнаний или казней вопреки существующим законам, конфискаций, отмены долгов, раздела имущества и освобождения рабов с целью переворота». Во имя этого классового интереса рабовладельцы согласны были отдать свою свободу.

Но они обманулись в расчетах. Классовые противоречия в Греции в период эллинизма не сгладились, а обострились. Лозунги $\gamma\eta\varsigma \ \acute{\alpha}\nu\alpha\delta\alpha\sigma\iota\omicron\varsigma$ и $\chi\rho\epsilon\acute{\iota}\nu \ \acute{\alpha}\lambda\omicron\kappa\omicron\lambda\eta$ не сходили с порядка дня, движения рабов приняли массовый характер. Острая классовая борьба развертывалась и в отсталых ранее областях Греции – в Спарте, Этолии, Беотии – и в эллинистических государствах Востока. В Египте эллинизация осложнила классовую борьбу этническими и религиозными противоречиями, которые и сами приняли классовый характер, поскольку господствующий класс составляли греко-македонцы и эллинизированные египтяне. В Иудее борьба между эллинизированной аристократией и народными массами, несомненно, ускорила взрыв народного движения Маккавеев, приведшего в конце концов к освобождению Иудеи из-под власти Селевкидов.

Следует при этом иметь в виду, что не только монархия Александра была «случайным малосвязанным конгломератом», но и образовавшиеся на территории державы Александра меньшие монархии не обладали внутренней прочностью. Границы Царства Птолемея и особенно Селевкидов были неустойчивы, часто менялись. Наряду с силами, втягивавшими восточные страны в орбиту эллинизма, действовали и центробежные силы. Переход из одной коалиции в другую, борьба за политическую независимость, образование новых государств – такими событиями наполнена история царства Селевкидов. А между тем народы и государства, стремившиеся освободиться от власти Сирии, были в то же время носителями эллинистической

культуры и ее поборниками. Интересно замечание Эд. Мейера¹⁵, что отпадение Бактрии в середине III в. в сущности имело своим назначением концентрацию усилий эллинизма против варваров. Во всяком случае позднее, в 206 г., в переговорах с Антиохом III бактрийский царь Евтидем указывал, что свободная и сильная Бактрия нужна также самой Сирии как оплот против угрожающих и Сирии и Бактрии «огромных полчищ кочевников»; и Антиох признал это положение правильным (Polyb., XI, 34).

Эллинизм сыграл в социальном отношении прогрессивную роль в том смысле, что благодаря смешению эллинов между собой и отчасти с восточными народами в значительной степени была подорвана этническая разрозненность, покоившаяся еще на неизжитых естественно-родовых и племенных связях.

Особенно отчетливо это выразилось в создании общегреческого языка – κοινή. Единственный греческий папирус, дошедший до нас от времени Александра, написан в основном на ионийском диалекте с отдельными доризмами и аттицизмами. В III в. многочисленные известные нам греческие папирусы написаны на κοινή. Конечно, классический язык Софокла, Эврипида, Платона, Фукидида, Ксенофонта не вышел из употребления; он оставался образцовым литературным языком, и «аттицисты» в течение многих веков, вплоть до византийского времени, культивировали язык классиков и тщательно ему подражали. Но живым языком был язык κοινή; на нем к эллинистической культуре приобщались народы Востока; на этом же языке восточные народы делали свои вклады в эллинистическую культуру.

Многие старые и новые восточные города стали греческими центрами – Александрия, Пергам, Антиохия, Селевкия, Тир и др. Эллинство не ограничивается больше Элладой, а в самой Элладе происходит перемещение политических, экономических и культурных центров. Афины уступают место Коринфу, вместо Афинского и Пелопоннесского союзов создаются союзы: Этолийский и Ахейский, втянувшие в сферу активной политической жизни самые отсталые области Эллады. Происходящий, таким образом, процесс нивелирования, с одной стороны, выявлял еще неиспользованные производительные силы, вводил интенсивную городскую жизнь там, где она раньше едва замечалась, и тем способствовал некоторому подъему экономики Греции в первый период эллинизма. С другой стороны, он был необходимым условием для того, чтобы подготовить переход к более прогрессивной общественно-экономической формации.

Однако успехи эллинизма в этом направлении, особенно на Востоке, были не так грандиозны, как это представляется с первого взгляда. Множество греков и македонцев устремилось на Восток; но и вместе с эллинизированными представителями высших классов местного населения они составляли меньшинство. В Египте на семь с лишком миллионов населения к концу эпохи эллинизма приходилось всего около одного миллиона «эллинов» – главным образом за счет города Александрии. В царстве Селевкидов эллины составляли совсем незначительную прослойку – почти исключительно в городах. Александр и его преемники создали много новых городов или реорганизовали по образцу полисов старые. По подсчету Чериковера¹⁶, на основании имеющихся реальных данных, Александром, Антигоном, Лисимахом, Селевком I и Антиохом I, Антиохом IV, Атталидами и Птолемями основано в общей сложности 176 городов (из них 23 сомнительных). Это, конечно, большое число. Проникая в самые удаленные уголки эллинистического мира, эти полисы разлагали старинные формы общественного строя, несли в них не только иную, более высокую культуру, но и иные хозяйственные отношения; товарность начинает появляться там, где раньше натуральное хозяйство господствовало безраздельно. И все же на необъятной территории эллинистических государств Востока эти города

¹⁵ Ed. Meyer. Назв. соч., стр. 48 сл.

¹⁶ Tschirikow. Die hellenistischen Städtegründungen, 1936.

были небольшими базисами, обширные области оставались незатронутыми новым порядком вещей.

Социально-экономические достижения эллинизма бросаются в глаза прежде всего в области торговли. Расширение внутренней торговли и рост внешнеторговых связей несомненны. Об этом свидетельствует прежде всего бурный рост таких городов, как Александрия, Селевкия на Тигре, Антиохия, развитие морского дела и судостроения. Около 100 г. мореход Гиппал открывает муссоны: это не только содействовало укреплению торговых связей с Индией, но и является результатом этих связей. Греческие и восточные товары проникают в глубь Азиатского материка. Недавние раскопки обнаружили сирийские ткани в Монголии. О том, в какой мере втягивались в торговый оборот отсталые области, можно судить по количеству греческих терминов, проникших в языки семитских народов Передней Азии. Много слов, обозначающих не только продукты ремесла, но и животных, растения, рыб, могло быть заимствовано из греческого языка только потому, что обозначаемые ими предметы поступили в торговый оборот и местные разнообразие названия рыб, растений и т. п. были включены в единую греческую товарную номенклатуру.

Другим косвенным показателем роста торговли служат монеты, их символы, легенды, стандарт и ареал распространения. В капиталистическом обществе функция денег как средства обращения приобретает все большую роль, а их функция как средства накопления становится ничтожной. В древности, особенно на Востоке, мы имеем обратное положение: деньги служат главным образом средством накопления. Превращение сокровищ Дария в звонкую монету, унификация монеты в отдельных эллинистических государствах, конкуренция между аттическим и финикийским стандартами, все это говорит о росте денежного обращения. Конечно, и в виде монеты деньги служили и для образования сокровищ. По свидетельству Аппиана, Птолемей Филадельф оставил в своей казне 740 000 талантов; даже если эта цифра сильно преувеличена, она все же очень солидна.

Рост денежных отношений и товарности хозяйства приводил к углублению классовых противоречий, к обогащению богатых и разорению бедных. Скрытые формы эксплуатации обнажались, что содействовало более открытому проявлению классовых противоречий. Старые этнические и религиозные деления уступают место явно выраженным классовым и сами принимают классовую окраску.

Образование новых полисов с приписанной к ним сельской территорией разлагало старый общинный уклад, подрывало веками установившиеся формы зависимости. На Востоке появляются латифундии с работающими на них рабами. Растет применение рабского труда в городах. У нас нет статистических данных, но если во II в., по исчислению Галена, в Эфесе было 40 000 рабов, то позволительно думать, что и в эллинистический период их было много. Рост купеческого капитала и развитие рабства приводят к тому, что и на Востоке возникает «рабовладельческая система, направленная на производство прибавочной стоимости»¹⁷.

Стремлением к расширению торговли приходится объяснять и войны между эллинистическими государствами. Сирия, Палестина и Финикия, к которым Египет стремился еще во времена Тутмоса III, в условиях эллинистического хозяйства были жизненно необходимы как для Египта, так и для царства Селевкидов; это привело к длительным войнам между соперничавшими державами. Борьба за господство над Эгейским морем была причиной многих войн, так же как борьба за торговые пути на Восток. Преемники Александра в сущности продолжали его политику, а на Западе попытки создать большую греческую державу предпринимают Агафокл и Пирр. Рим также втягивается в орбиту эллинистической экономической политики. В 268 г. римский сенат вводит новую денежную единицу – серебряный денарий, почти равноценный греческой драхме.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. 1, стр. 360.

Достижения эллинизма в экономической жизни обнаруживаются при рассмотрении эллинистического мира в целом. Но не следует ожидать этих достижений в каждом из эллинистических государств в отдельности. Именно единство эллинистического мира означает, что старые деления утратили силу, и старые экономические центры теряли свое значение, если они не оказывались случайно в благоприятном положении по отношению к эллинистическому миру в целом. Афины были центром для Аттики, но не для эллинистических стран вместе взятых. Даже для Греции они перестали быть центром, уступив место Коринфу. Зато Родос пережил период расцвета. Его морское превосходство выразилось между прочим в том, что его морской кодекс стал международным, и еще рескрипт императора Антонина разъяснял: «Я владыка мира, но на море господствует закон; вопрос надо разрешить по родосскому морскому закону» (Dig. XIV, 2, 9).

Материковая Греция не извлекла пользы из нового объединения, и за исключением небольшой передышки она неуклонно падала; даже центры науки переместились в Александрию и Пергам, хотя Афины продолжали по традиции считаться философским центром – скорее по привычке, чем по праву.

Эллинизм означал повторение развития античного рабовладельческого общества на более высокой ступени. Но возникший в результате кризиса греческого (и восточного) рабовладельческого общества, эллинизм не разрешил и не мог разрешить ни одного социального противоречия. Он мог вызвать лишь некоторый подъем, главным образом в восточных областях, но результаты его не были и не могли быть ни продолжительными, ни прочными. А для того, чтобы привести к смене рабовладельческого общества более прогрессивной общественно-экономической формацией, эллинизм не создал достаточных условий и потому в свою очередь пришел к кризису, который разрешился римским завоеванием и повторением процесса на более высокой ступени. Римское завоевание было неизбежным результатом кризиса эллинистической экономики, выступающего уже в конце III в. и ставшего угрожающим во II в.

Основной порок рабовладельческой экономики – консерватизм технической базы – не мог быть преодолен, поскольку общество продолжало оставаться рабовладельческим. Воспроизводство было возможно опять-таки в ограниченных пределах, не вглубь, а вширь.

Созданное в эллинистическую эпоху единство было не настолько органическим и прочным, чтобы преодолеть партикуляризм, оторвать окончательно индивида от ограниченного коллектива, с которым его связывали веками установившиеся навыки.

Эллинизм установил иные формы государства вместо восточной деспотии и эллинского полиса. Но эллинистические монархии на Востоке, Македонская коалиция, Ахейский и Этолийский союзы на Балканах не ликвидировали греческого полиса с его узкими интересами. Самый процесс эллинизации Востока проводился путем организации полисов. Конечно, то не были независимые города-государства, а лишь пользовавшиеся большей или меньшей автономией города; но существование их связывало граждан еще со старыми учреждениями полиса, поддерживало местный патриотизм, принимавший порой, вследствие отсутствия подлинной общественной жизни, уродливые формы; а в новых городах и греко-македонских колониях новые греческие поселенцы долго сохраняли отношения с родиной, создавали землячества, культовые объединения и т. п. За исключением Египта, где македонцы застали централизованный бюрократический аппарат, на Востоке центральная власть не могла руководить повседневной жизнью городов. Из одного зеноновского папируса мы узнаем, что в небольшом городе Калинде (на юго-западе Малой Азии), входившем в состав царства Птолемеев, существовали должности стратега и эконома, руководивших от лица центрального правительства военным и хозяйственным управлениями. Но в той же Калинде действует местное самоуправление, возглавляемое пританом и секретарем; как видно из содержания папируса, стратег и эконом вынуждены считаться с древней конституцией полиса (PCZ, 591).

С другой стороны, и восточная деспотия не была ликвидирована. По справедливому замечанию Жуге¹⁸, Александр вовсе не хотел эллинировать всех варваров, а оставил в неприкосновенности старые государственные институты в ряде областей своей державы, где он сам хотел быть восточным деспотом. Преемники Александра продолжали действовать подобным же образом. Для египетских крестьян Птолемеи были теми же фараонами, и сирийские λαοί вряд ли заметили ощутительную разницу между персидским и селевкидским владыкой.

Процесс уравнивания, уничтожения старых племенных, этнических, полисных перегородок также был только намечен в период эллинизма, но не был на этой ступени доведен до конца, не сделал решающих успехов. Даже в области культуры, где эллинизм означал коренной поворот, дело не было доведено до конца; не были поглощены восточные культуры, не была забыта эллинская культура классического периода. Отмечено, в частности, интересное явление: на поздних папирусах сохранились многочисленные отрывки из произведений классической греческой литературы, но совершенно не встречается произведений литературы эллинистическо-римской – Полибия, Посидония, Страбона, Диодора, Плутарха, Лукиана, Климента, Оригена, Плотина.

Таким образом, эллинизм можно расценивать как прогрессивный этап в истории античности, но с существенной оговоркой. В его начальный период были созданы новые формы экономической, политической и духовной жизни, содействовавшие переходу рабовладельческого общества на такую стадию, когда становится возможным решительный переход к более высокой социально-экономической формации. Но изменения, совершившиеся во всех областях жизни в эллинистический период, были недостаточно глубоки, причины, приведшие к кризису эллинских государств, не были преодолены, и эллинизм сам пришел, и довольно быстро, к такому же кризису. Выходом оказалось римское завоевание и переход на новую, еще более высокую ступень. Завоевание Востока Римом не было, следовательно, выполнением какой-то провиденциальной миссии; оно не было и проявлением какого-то особого присущего римлянам «духа». Римская экспансия на Восток была выражением, наиболее грубым и беспощадным, общей закономерности рабовладельческого общества, где расширенное воспроизводство возможно только путем экспансии вовне. А причин успеха римлян на Востоке надо искать в первую очередь не в римской военной доблести, дипломатической ловкости, воинской выучке, а в том, что эллинистический мир быстро исчерпал себя и его включение в состав новой мировой державы стало исторической необходимостью.

Конечно, эллинистические государства оказывали сопротивление Риму. Но провал (не только военный, но и политический) Митридата VI показывает, что поражение Востока было неизбежно. Если это не сознавалось, быть может, современниками отчетливо, то смутно ощущалось, и недаром в начале II в. в Греции и на Востоке возникают проримские настроения, проримские политические течения и малые города и государства ищут «покровительства» Рима.

Эллинистический мир был поглощен Римом, за исключением его восточной периферии, которая нашла силы отстоять свою независимость и, усвоив многое из эллинистической культуры, строить свою дальнейшую социально-экономическую жизнь самостоятельно. Но подчинившись Риму и слившись с ним в одно целое в политическом и экономическом отношении, эллинизм сохранил основные элементы своей культуры и даже развил их дальше.

Изменения в экономике и социальных отношениях эллинистического мира – не только Греции, но и Востока – привели к столь существенным изменениям в области духовной культуры, что многие историки, как мы видели, до сих пор продолжают видеть в эллинизме лишь этап в истории культуры.

Прежде всего связи с эллинской культурой были на Востоке и до Александра. Галикарнасский династ Мавзол оставил нам прекрасный вещественный памятник этих связей. Сидон-

¹⁸ P. J o u g e t. L'impérialisme Macédonien et l'hellénisation de l'Orient, P., 1926, стр. 104.

ские цари отражали в своих мраморных саркофагах влияние греческого искусства. Гермий, династ Атарны в Малой Азии, отдал город Асс в распоряжение философов-платоников Эраста и Кориска, и сам Аристотель после смерти Платона поработал в этом философском городе три года. Но лишь в период эллинизма наблюдается широкое распространение и внедрение эллинской культуры во всех странах Востока, входивших в сферу политического и экономического влияния эллинистических держав, – внедрение настолько прочное, что оно оставило неизгладимые следы. С греческим языком можно было пройти всю ойкумену. Греческое искусство, литература, философия стали достоянием миллионов людей, и даже в период упадка эллинизм оказался в силах привить свою культуру Риму.

Но сама греческая культура изменилась. Говоря об эллинской культуре классического периода, К. Маркс пишет: «И почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень? Бывают невоспитанные дети и старчески умные дети. Многие из древних народов принадлежат к этой категории. Нормальными детьми были греки. Обаяние, которым обладает для нас их искусство, не стоит в противоречии с той неразвитой общественной ступенью, на которой оно выросло. Наоборот, оно является ее результатом и неразрывно связано с тем, что незрелые общественные отношения, при которых оно возникло, и только и могло возникнуть, никогда не могут повториться снова»¹⁹.

Это нормальное детство кончилось вместе с свободой эллинских полисов. Наступила пора суровой, нездоровой зрелости с признаками преждевременной старости. Эта пора имела не только свои достижения, но и свои пороки, слабости, болезни.

Эллинистическая культура продолжала традиции классического периода, поскольку она сохранила греческий язык и все наследия эллинства, и у некоторых историков создается даже, как мы видели, впечатление, будто она и по существу не представляет чего-либо принципиально нового, что она даже – наивысшее, наиболее совершенное выражение эллинства. В действительности же мы имеем здесь совершенно новое историческое явление, невозможное в классический период эллинства.

Так же как политические и экономические центры, переместились и центры культуры. Не Афины, а Александрия, Пергам, Антиохия, Берит, Сиракузы и др. создавали философские, литературные, юридические научные школы, и деятели культуры часто – выходцы с Востока. Зенон из Кития (на Кипре), Хрисипп из Сол, Посидоний из Апамеи, Филодем из Гадары, наш соотечественник Бион Борисфенит («Днепровский») и многие эллинизовавшиеся люди Востока играют выдающуюся роль в создании новой культуры. Это – не только результат распространения эллинистической культуры на Восток, но и показатель влияния Востока на Грецию.

От взаимодействия культур Греции и Востока выиграл прежде всего Восток. Восточная деспотия, господствовавшая над бесправно угнетаемыми массами трудящихся, создавала атмосферу духовного гнета во всех сферах умственной жизни. Литература была почти исключительно религиозной, а сама религия – грозной, суровой, требовавшей безропотной покорности воле богов и могущественных жрецов. Даже искусство подавляло грандиозностью дворцов, храмов и статуй, чудовищными образами богов и демонов. Эллинистическая культура содействовала освобождению личности, хотя бы в верхах общества, от тяготевшего над ней духовного гнета.

В эллинистический период появляется проникнутая философскими идеями эллинизма книга «Экклесиаст», эротическая поэма «Песнь песней», хотя и включившая древние элементы народной свадебной лирики, но оформленная как единое поэтическое творение именно в это время. Под влиянием греческой философии в ее вульгаризованной форме устанавлива-

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. 1, стр. 204.

ется окончательно иудейский монотеизм, в свою очередь оказавший влияние на другие эллинистические религии.

Греческая драма, игры, празднества, греческое искусство внесли элемент жизнелюбивости в мрачную идеологию Востока: светлые образы греческой пластики и архитектуры смягчили суровые черты восточного искусства. Человеческая личность, ее думы, настроения, интересы, запросы получают какое-то право на существование. В некоторых отношениях этот процесс напоминает эпоху Возрождения.

Оплодотворенная достижениями эллинистической культуры духовная жизнь народов Востока, не подпавших под иго Рима и пошедших по самостоятельному пути развития, продолжалась в тиши и дала впоследствии изумительный взлет в арабской культуре средневековья.

Восток немало дал и эллинизму. Самый факт близкого общения с народами Востока не только расширил горизонт перед взорами эллинов и раздвинул границы ойкумены; он показал им своеобразную культуру, в некоторых отношениях более высокую и во всяком случае более древнюю. Идея *ὁμόνοια* («единомыслия»), выросшая на почве самой Греции в связи с кризисом полиса, получила на Востоке реальное подкрепление. Здесь издавна существовали мировые державы, и база для политических надстроек не была здесь столь узкой, как в полисах Эллады.

На Востоке греки застали высоко развитые науки – астрономию, математику, медицину, иные приемы и объекты сельскохозяйственной техники, развитые средства транспорта и связи. Литература Востока, своеобразная и непонятная, стала доступна грекам благодаря тому, что греческий язык стал языком образованных людей Востока. Иудеи не только переводят Библию на греческий язык, но и пишут на этом языке новые книги, даже религиозно-философскую диатрибу в духе стоиков – так называемую – IV книгу Маккавеев, которую сам автор характеризует как *λόγος φιλοσοφώτατος*. В списке произведений Теофраста значится *Ἀκίχαρος* – несомненно восточный роман об Акихаре, текст которого найден, в частности, среди арамейских папирусов в Элефантине.

Новые религиозные настроения, возникшие у греков в новых условиях, нашли в религиях Востока для своего выражения готовые формы культа, готовые образы универсальных богов, мистерии и ритуальные тексты, разработанную астрологию и магию. В процессе слияния культур Греция была не только дающей стороной, но и берущей.

Как в экономической и политической области, эллинизм и в сфере интеллектуальной жизни не довел до конца тех начал, которые наметились после завоеваний Александра. С одной стороны, греческая культура была достаточно устойчивой не только для того, чтобы противостоять культуре Востока, но и для того, чтобы сохраниться под властью Рима и стать основой византийской культуры. С другой стороны, и страны Востока – Сирия, Палестина, Аравия, Парфия, Армения, даже Египет – не были поглощены эллинизмом, сохранили свои самобытные черты, свои языки, религии, исторические предания. Манефон пишет на греческом языке, но историю своего, египетского, народа. В Парфии и даже в Индии чеканится монета греческого типа, даже с греческой легендой; но эти страны отстаивают свою политическую независимость и усваивают наследие эллинизма, чтобы создать и развивать свою культуру.

Успехи эллинизма в области культуры были неравномерны, и их историческое значение не одинаково для разных стран эллинизма в разное время. Для Востока это был несомненный подъем. Другое дело – Греция. Здесь тоже эллинизм означал более высокий тип развития культуры, но политический и экономический упадок привел к тому, что эта культура выросла во многих отношениях хилой, болезненной. Несомненный упадок переживает философия. Грандиозные системы мировоззрения и произведения их творцов даже забываются; в I в. до н. э. Андроник должен был вновь приступить к систематизации и изданию сочинений Аристотеля. Падение полисов и их автаркии означало, что отныне гражданин, находивший ранее прочную опору в полисе, предоставлен на волю судьбы. В расширившейся ойкумене отдельный

человек чувствует себя беспомощным, и философия отражает эти настроения, обращаясь от общефилософских проблем к внутреннему миру человека, к этическим проблемам, к религиозным запросам. Особенно ясно этот новый характер философии выражен в наиболее популярной и типичной для эллинизма школе стоиков. Характерно для эллинистической философии, что она выдвигает в качестве конечной цели стремлений человека не положительный идеал εὐδαιμονία (счастье), а отрицательный ἀλυτία, ἀοχλησία, ἀταραξία, ἀπάθεια (безмятежность, беззаботность, бесстрашие и т. п.).

Школа перипатетиков и вовсе перестала заниматься философией, отдавшись всецело филологии и биографическому жанру. Сенека имел право сказать, имея в виду перипатетиков, что «то, что было раньше философией, стало теперь филологией». Другие философы предаются беспринципному скепсису, хотя и сильному и плодотворному в области критики и отрицания, но не созидавшему ничего положительного.

Только материалистическая философия, всегда имеющая опору в живой реальности, переживала период расцвета. Но и школа Эпикура превратилась в замкнутую общину, ушедшую от активного участия в общественной жизни.

Философия в эллинистическую эпоху оторвалась от своей естественно-научной базы. Это обеднило философию, но это самое обстоятельство обогатило науку. Отделение науки от философии и ее специализация диктовались возросшими потребностями познания мира и овладения силами природы. Науки достигли высокого уровня, о чем говорят такие имена, как Архимед, Эвклид, Эратосфен, Полибий, Аристарх Самосский, Гиппарх, Аристарх Самофракийский, не говоря уже о ближайших учениках Аристотеля, в первую очередь – о Теофрасте. Наука перестала быть уделом узкого круга избранных. Александрийский музей с его богатейшими библиотеками в Серанеуме и Брухейоне имели целью относительно широкое распространение знания, а не были рассчитаны на интересы владельца-царя, как библиотека Ашшурбанипала.

Необходимо, однако, отметить, что в области техники – за исключением военного дела и строительства – эллинистическая наука заметных успехов не делала; в рабовладельческом обществе мысль ученого не направлялась в эту сторону.

В греческой литературе надо констатировать явный упадок. Со сцены вместе со старыми богами уходят и большие проблемы, волновавшие великих трагиков V в. Аристофанова политическая комедия уступает место комедии бытовой, рисующей мелкие интересы и думы среднего человека. Лирика вырождается в искусственное выражение мелких страстей, приправленное риторикой и налетом учености. Процветают буколика, эпиграмма, жанровые сценки и картинки. Эллинизм не дал ни одного крупного писателя, которого можно было бы даже с натяжкой поставить в один ряд с Алкеем, Анакреонтом, Софоклом, Эврипидом, Аристофаном.

Резкий перелом совершился в религии. С падением полисов падали и боги их. «Национально ограниченные боги разделяли судьбу их народов». Можно думать, что здесь П. Вендланд²⁰ цитирует Ф. Энгельса: «Боги каждого отдельного народа были национальными богами, власть которых не переходила за границы охраняемой ими национальной области... Все эти боги жили лишь до тех пор, пока существовали создавшие их народности, и падали вместе с ними»²¹.

Но не только боги пришли в упадок. Изменилось и отношение к богам. Прежняя религиозность, носившая скорее формальный характер и связанная с политическими учреждениями и политическими воззрениями, в изменившихся условиях сама изменилась существенным образом. Предоставленный самому себе индивид стремится к более тесному общению с боже-

²⁰ P. W e n d l a n d . Die hellenistisch-römische Kultur und ihre Beziehung zum Judentum und Christentum, 1912, стр. 52.

²¹ Ф. Э н г е л ь с. Людвиг Фейербах. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. XIV, стр. 674.

ством, от которого он ждет уже не благоденствия отечества, победы оружия родного полиса, а личного спасения. Старые боги и их культ не удовлетворяют больше эллина, религиозные потребности которого возросли и изменились. Поэтому эллинизм – период религиозных поисков.

В эпоху эллинизма отчетливо выражается тенденция к монотеизму. Старым богам пытаются придать характер универсальных богов; создаются отвлеченные божества, новые боги. Восточные боги с универсальными функциями проникают в греческую религию. Боги получают новые, главным образом общественные атрибуты и новые эпитеты, связывающие их не со стихиями природы, а с их отношением к человеку – «спаситель» (Σωτήρ), «благодетель» (Εὐεργέτης) и т. п. Культ принимает все больше характер мистерий; при этом используются опять-таки восточные культы богов-спасителей.

Но все эти новые явления в эллинистической религии не получили законченного развития. Для создания единой религии эллинистический мир не обладал достаточным экономическим и политическим единством. Старые боги потеряли кредит, но не сошли со сцены, уживаясь с новыми богами и новыми веяниями. Старые культы еще продолжали играть некоторую политическую роль. В обстановке непрерывных внутренних войн древние святилища могли еще предоставлять право убежища и неприкосновенность, не всегда соблюдавшиеся воюющими, но дававшие все же некоторую гарантию безопасности. Так же как эллинистические монархии использовали привычную форму полиса для проведения своего влияния на Востоке, они использовали и древних эллинских богов, строили им храмы, организовывали в их честь игры и тем самым старались прославить свое величие и даже божественность.

Эллинизм не имел достаточной базы для создания мировой религии. Но он создал предпосылки для нее, и христианство при своем возникновении, уже в условиях Римской империи, имело налицо в готовом виде почти все основные элементы мировой религии.

«Греческая мифология составляла не только арсенал греческого искусства, но и его почву»²². Падение древних богов, превращение мифологии из предмета наивной веры в объект научного исследования и рационалистического толкования должно было отразиться и на искусстве. Изображения богов занимают большое место в греческом искусстве и в эллинистический период, но боги для скульптора лишь повод для разрешения чисто художественной проблемы, он творит не антропоморфного бога с божественными атрибутами, а скорее божественно прекрасного человека с человеческими чувствами и переживаниями. Портрет, жанровые группы и статуэтки занимают все больше места в творчестве художников.

Строительство храмов почти прекратилось, зато растет градостроительство, гражданская архитектура. Монументальность, грандиозность восточного искусства, сочетавшись с гармоничностью, изяществом и внутренней правдивостью классического греческого искусства, создали мировое эллинистическое искусство, продолжавшееся затем в Римской империи.

Во всех областях культуры эллинизм означает поворот всемирно-исторического значения. Многие были только намечены, эллинистическая экономика не создала условий для окончательной переработки классического наследия, для создания на его основе нового цельного мировоззрения, целостной гармоничной культуры. Противоречия рабовладельческого общества после краткого периода подъема сказались очень быстро и привели к тому, что развитие шло лихорадочными темпами с кратковременными взлетами и длительными периодами упадка; в некоторых областях – философии, литературе – упадок стал хроническим. Но в целом эллинистическая культура – это новая стадия в культурной истории человечества, повлиявшая на весь дальнейший ход ее.

Понять сущность эллинизма, его подъем и падение можно только из анализа движения античной рабовладельческой социально-экономической формации. Становится ясной и

²² К. Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. I, стр. 203.

историческая роль его как одного из этапов, на которых подтачивалась социально-экономическая ограниченность рабовладельческого общества, создавались, хотя в недостаточной степени, предпосылки для более прогрессивной общественно-экономической формации. Созданная на этой базе эллинистическая культура была принципиально новой, поскольку она, хотя в неполной мере, прорвала рамки прежней ограниченности. Но эллинистическая культура не должна заслонять тех материальных основ, на которых она возникла. Напротив, именно в аспекте общественных отношений становится ясной ее сущность и ее историческая роль.

Глава II

Александр Македонский

Новый этап античного рабовладельческого общества был подготовлен всей предшествующей историей Эллады и Востока. Подчинив себе почти всю Элладу, Филипп II Македонский заложил начало некоторого политического единства, которого не знал раньше греческий мир. Коринфский союз под гегемонией Филиппа не объединил Греции в одно государство, но означал начало конца автаркии греческих полисов; более или менее обширные федерации, лиги становятся затем господствующей формой в государственном устройстве Греции. Идея единства всех эллинов приобрела популярность в массах, а экономические причины настойчиво выдвигали необходимость такого единства.

С другой стороны, экономический упадок Греции заставлял греков поступать в наемные войска на Востоке, где они знакомились и сближались с народами иной культуры и сами заносили к ним элементы культуры эллинской.

Персидская держава в середине IV в. также клонилась к упадку. При преемниках Дария и Ксеркса обнаружилась рыхлость Персидского царства, в котором не только не создано единства экономики, но и политическое единство оказалось шатким. Слишком различны были общественные условия жизни народов, объединенных силой завоевания в случайный конгломерат; слишком различны были их политические и культурные традиции. Трудно было сплотить в одно целое Египет и Вавилон, греческие города Малой Азии и варварские племена глубинных горных районов и окраин Персидского царства.

Сатрапы все больше эмансипировались от центральной власти и становились полунезависимыми царьками. Египет отложился от царства Ахеменидов еще в 404 г., а при Артаксерксе II с 372 г. начинается ряд восстаний сатрапов, которые, казалось, поставили Персидскую державу на край гибели. Артаксеркс III Ох, сменивший в 358 г. на престоле своего отца Артаксеркса Мнемона, сумел, используя распри и соперничества между сатрапами, подавить основные очаги восстания и даже снова покорил Египет, в течение шестидесяти лет пользовавшийся независимостью. Дворцовый переворот, совершенный визирем, евнухом Багоасом, закончившийся гибелью семьи Артаксеркса, привел к воцарению младшего отпрыска рода – Дария III Кодомана (338 г.). Единство царства внешне восстановилось; но восстания, хотя и подавленные, показали его слабость и неустойчивость. Греки, участвовавшие в качестве союзников или наемников в военных операциях Артаксеркса II и Артаксеркса III, имели возможность реально оценить военную силу Персии, вскрыть ее слабость, убедиться в военном превосходстве греческой фаланги. Вожди отрядов греческих наемников отваживались (и не без успеха) вести самостоятельную политику и выкраивать себе из Персидского царства собственные маленькие независимые владения. В Геракле Понтийской Клеарх, образованный и дельный предводитель отряда наемников, взяв сторону демократии в ее борьбе против олигархии, сверг и перебил олигархов, конфисковал их имущество, освободил их рабов и объявил себя тираном. Он сумел сохранить власть в Геракле и для своих потомков, и эта тирания пережила не только персидскую власть, но и Александра Македонского. Интересно, что Клеарх был проводником и покровителем эллинской культуры, в частности философии, и любителем греческой литературы, первым основателем греческой библиотеки. Выше уже упоминалось о менее удачливом Гермии, тиране Атарны, предоставившем г. Асс в распоряжение философов. Сохранилось адресованное ему письмо Платона (ер. VI; подлинность его оспаривается). Не только греческие тираны, но и местная карийская династия в лице ее виднейшего представителя Мавзола превратили Галикарнас в средоточие греческого искусства.

Участие греческих наемников в восточных войсках усиливало экономические связи между Востоком и Грецией, что, в частности, выразилось во взаимном проникновении монетных систем Персии и Греции²³.

Таким образом, многие элементы возникающего нового, эллинистического общества были уже налицо, когда на мировую арену выступил Александр Македонский, деятельность которого оказала влияние на все области политической, экономической и духовной жизни того времени и с которого принято обычно считать начало эллинизма.

Об Александре Македонском написана громадная литература; его деяния, его личность, его судьба уже в древности привлекали живейший интерес историков и философов. В литературе о нем много несомненно субъективного. Древние авторы задавали себе естественный вопрос – объясняются ли необычайные по размаху военные успехи и завоевания Александра удачей или его военным гением. Плутарх, написавший по хорошим источникам биографию Александра, посвятил этому вопросу специальную работу в двух частях – «*De fortuna Alexandri Magni*», где рисуется возвышенный моральный облик героя. Были и хулители, извлекавшие из жизнеописания Александра моралистические выводы другого рода; они обвиняли Александра в том, что, покорив чуть ли не весь мир, он стал предаваться роскоши и изнеженности и этим погубил себя и дело своей жизни.

И в новое время такие ученые, как Дройзен, Эд. Мейер, Вилькен и многие другие, не скрывают восторженного чувства, вызываемого у них деятельностью этого полководца и государственного деятеля. Раде²⁴ написал свою книгу об Александре в патетическом тоне, в котором звучит почти мистическое преклонение перед героем. У нас С. И. Ковалев в своей специальной монографии пишет: «Дальнейшее историческое развитие пошло по тем путям, которые наметились при Александре. Римская мировая держава, Новоперсидская монархия Сассанидов и государства арабов частично или целиком сложились из обломков монархии Александра и продолжали развивать основы, заложенные во время великого похода македонян и греков на Восток»²⁵.

В литературе есть и другая тенденция – умалить значение личности Александра. Так, Ю. Белох²⁶ полагает, что Александр не мог быть великим стратегом и полководцем в таком молодом возрасте (21–25 лет), что его сумасбродные планы часто вели к ненужным и вредным предприятиям, что своими успехами он обязан войску, которое было организовано Филиппом, командирам и советникам, которых унаследовал от отца, наконец – развалу Персидского царства. «Александр пожал там, где посеял его отец». Но и Белох воздает должное Александру, сумевшему разумно использовать наследие отца.

Особенно привлекала и привлекает внимание деятельность Александра как полководца; его походы и данные им крупные сражения продолжают тщательно изучаться с точки зрения военного искусства. Знаменательно, что возникший еще в древности роман «Александр» в течение многих веков пользовался большой популярностью у многих народов, в частности в русской литературе.

История походов Александра и всей его деятельности подробно разработана в исторической литературе. Здесь достаточно будет дать лишь в самых общих чертах очерк истории кратковременного правления Александра и осветить стороны многообразной его деятельности, характеризующие исторический смысл событий, центром которых был Александр.

Александр, сын Филиппа II Македонского, родился в гекатомбейоне (по македонскому календарю – конец июля) 356 г. до н. э. в Пелле. Древнее предание гласит, что он родился в

²³ G. G o t z , P. R o u s s e l , R. C o h e n. Alexandre et l'hellénisation du monde antique, p. I, P., 1945, стр. 30.

²⁴ R a d e t. Alexandre le Grand, P., 1931.

²⁵ С. И. К о в а л е в. Александр Македонский, Л., 1937, стр. 111–112.

²⁶ J. B e l o c h. Griechische Geschichte, IV, I2, 1925, стр. 63.

ту ночь, когда Герострат сжег храм Артемиды Эфесской – одно из «семи чудес света»; рождение Александра должно было, по легенде, возместить эту утрату. Мать его Олимпиада, дочь молосского царя, была, по описанию источников, женщиной властной, с демоническими страстями, в литературе – прообраз Клеопатры и Агриппины. Первым воспитателем Александра, и воспитателем суровым, был родственник Олимпиады Леонид. С 343 г. воспитателем Александра стал Аристотель, который тогда еще не был прославленным философом и ученым, но уже пользовался известностью. Три года – с 343 до 340 – Аристотель провел со своим учеником вдали от двора в небольшом городке Миесе. Много из того, что рассказывалось об этом длительном общении величайших людей того времени, принадлежит, несомненно, легендам. Аристотель, безусловно, сумел привить своему питомцу любовь к греческой культуре и понимание ее, интерес к науке. Ахилл и Геракл стали для Александра идеальными образцами, которым он стремился следовать.

Вернувшись в 340 г. ко двору отца, юный Александр стал уже принимать участие в политической жизни. В семнадцать лет он замещал отсутствовавшего Филиппа, руководил экспедицией против фракийцев и основал город Александрополь. Он командовал отрядом кавалерии в битве при Херонее и ездил в Афины в качестве представителя македонского царя.

В 337 г. Филипп отдалил от себя Олимпиаду и обручился с Клеопатрой. В связи с этим произошел разрыв между ним и Александром. Александру пришлось удалиться в Иллирию, его ближайшие друзья, в том числе Птолемей Лаг и Непарх, были высланы из Македонии. Вскоре, однако, Александр помирился с отцом. Когда в следующем году Филипп был убит, на Олимпиаду пало подозрение в соучастии, хотя прямых данных для этого нет.

В Македонии престолонаследие в виде перехода власти от отца к сыну не было установлено; здесь была возможна конкуренция между различными претендентами. Но крупнейшие полководцы Антипатр и Парменион, сохранившие верность дому Филиппа, обеспечили престол Александру. Чтобы утвердиться на троне, Александр перебил своих возможных соперников, в том числе своего брата Карана; Олимпиада расправилась с Клеопатрой и ее дочерью от Филиппа.

Известие о смерти Филиппа вызвало возбуждение в Греции, оживились надежды на освобождение из-под власти Македонии, снова появился на сцене Демосфен. Александр проявил характерную для него быстроту действий и решительность. Обойдя Темпейскую долину, он неожиданно появился в Фессалии, где его признали, как раньше Филиппа, главой Фессалийской лиги. Затем Александр поспешил в Фивы, где его внезапное появление подавило зародыши восстания. Растерявшиеся Афины выслали навстречу Александру делегацию с выражением покорности. Собрался синедрион Коринфской лиги, избравший Александра на место Филиппа предводителем в предстоящей войне против Персии.

Укрепив таким образом свои позиции в Греции, Александр весной 335 г., чтобы обеспечить свой тыл перед походом в Азию, выступил на север, переправился через Балканы и благодаря умелой и решительной тактике разбил трибаллов, угрожавших Дунайской границе. Мало того, чтобы обезвредить живших за Дунаем гетов, он на рыбацких лодках переправился с 5500 воинов через Дунай и обратил в бегство гетов, ошеломленных его неожиданным появлением. Укрепив северную границу царства, Александр повернул в Иллирию, где, было, началось восстание. Несмотря на тяжелое положение, в котором очутилось здесь войско Александра, он нанес противникам поражение, в результате которого Иллирия перестала быть угрозой для Македонии.

Тем временем в Греции, в связи с уходом Александра в далекий поход и слухами о его гибели, снова поднялось освободительное движение. Вернувшиеся в Фивы демократы, изгнанные ранее Филиппом, осадили македонский гарнизон в Кадмее. Этолия, Элида, Аркадия готовились идти на помощь Фивам, Афины помогли им вооружением, Спарта собиралась выступить. Здесь опять быстрота действий и решительность Александра спасли положение. Из

Иллирии он в невероятный для того времени срок (меньше чем в две недели), прежде чем восставшие успели объединить свои силы, появился у ворот Фив. Город был взят штурмом. По инспирированному Александром решению части совета Коринфской лиги, Александр произвел жестокую расправу с Фивами. Город был срыт до основания (пощажены только храмы и дом Пиндара), уцелевшее при штурме города население было продано в рабство. Устрашающий пример Фив заставил греков смириться. Афины отправили к Александру делегацию с поздравлениями, Этолия покорилась, Элида вернула к власти македонских ставленников. Александр милостиво согласился не требовать выдачи Демосфена и других вождей антимакедонской оппозиции. Только Харидем ушел в изгнание. Греция была умиротворена. Теперь можно было приступить к осуществлению задачи, поставленной еще Филиппом, – к походу против Персии.

В военных действиях 335 г. Александру не сопутствовали полководцы Филиппа, всеми операциями он руководил сам, и здесь проявились его черты как полководца, немало способствовавшие его успехам в дальнейшем: быстрота, решительность, мужество, находчивость, умение устрашать врагов и примирять их с собой. Все эти качества давали Александру уверенность, необходимую для того, чтобы предпринять поход против великой Персидской державы, располагая малыми средствами – людскими и материальными.

По сообщению Плутарха (de fort. Alex. I, 3, p. 327, D–E), Александр предпринял поход в Азию, «имея в своем распоряжении 30 000 человек пехоты и 4000 конницы. Такое число указывает Аристобул. Царь Птолемей считает 30 000 пехоты, 5000 конницы, Анаксимен – 43 000 пехоты и 5500 конницы. А «блестящие» ресурсы, подготовленные ему фортуной, составляли 70 талантов, как говорит Аристобул; если верить Дуриду, у него было провианта только на тридцать дней. Наиболее близкими к истине надо признать цифры, указанные Птолемеем, так как он был не только участником походов Александра, но и его ближайшим соратником, и его сведения вполне заслуживают доверия. Ядро войска составляли македонские отряды. Это прежде всего македонская знать – гетэры («друзья», «товарищи» царя), всего около 1500 человек кавалерии; далее – фаланга педзетэров, мобильная, крепко сплоченная и дисциплинированная, 6000 человек, и 3000 более легко вооруженных гипаспистов, из коих одна часть («агема») составляла пешую гвардию царя. В коннице, кроме того, было около 1500 фессалийцев, которых Александр привлек как признанный вождь фессалийского объединения, и некоторое число воинов из фракийских племен.

Что касается Коринфского союза, то он был представлен в войске Александра всего семью тысячами человек, не игравшими к тому же активной роли в военных действиях в Азии. Это тем более странно, что в пехоте Александра служили греческие наемники. Очевидно, выступая в поход как *οτράτηγος αὐτοκράτωρ* Коринфской лиги под лозунгом мести персам за разорение Греции и поругание ее святынь во время греко-персидских войн и во имя освобождения греческих городов Азии от гнета варваров-персов, Александр все же видел свою миссию не столько в осуществлении панэллинских идей, сколько в том прежде всего, чтобы создать большое Македонское царство, расширить свои владения; а по мере того как он одерживал все новые победы, идея мировой державы оттеснила и Македонию на второй план.

Для переправы в Азию и для завоевания Малоазиатского побережья Александру нужен был флот. Но и здесь он не использовал всех возможностей, какие ему могла бы предоставить Эллада. Флот из 170 кораблей, о котором сообщает Арриан (I, 11, 6), не только уступал персидскому флоту, но был гораздо меньше афинского флота. Между тем от афинян он потребовал только двадцать кораблей, и в литературе высказывалось мнение, что эллины, в частности афиняне, в войске и во флоте Александра были скорее заложниками, чем союзниками. Все же флот Александра был в основном греческим. В своем послании к Хиосу в 332 г. (Syll.³ 283) Александр между прочим требует, чтобы хиосцы снарядили двадцать триер «и чтобы они плавали, пока остальной эллинский флот будет плавать с нами».

Хорошо была поставлена в войске Александра техническая служба. Войско было снабжено самыми совершенными по тому времени осадными метательными машинами, сооружением которых ведал крупнейший специалист Диад. Хорошо были организованы также счетная часть, снабжение войска, служба связи. Интересно, что при Александре состояли не только военачальники, но и ученые и философы – племянник Аристотеля Каллисфен, философ-материалист Анаксарх, Пиррон, ставший основоположником школы скептиков-пирронистов. Эвмен из Кардии ведал канцелярией и редактировал «эфемериды», журнал, отмечавший текущие события. Наряду с официальным историографом Каллисфеном работал как историк Аристул. Географы и представители других точных наук, сопровождавшие экспедиции Александра, собирали и изучали богатый материал, открывавшийся взору ученых в малоизвестных и неизвестных ранее странах, и тем расширили научный кругозор греков. В частности, научная география стала возможной только после походов Александра.

Что касается непосредственных помощников Александра, то были испытанные еще при Филиппе опытные и преданные полководцы. Первое место среди них занимал ближайший помощник Александра Парменион. Один из сыновей Пармениона, Филота, командовал гетэрами, другой, Никанор, – гипаспистами. Многие из его окружения продолжали и после смерти Александра играть крупную роль в истории – Пердикка, Антипатр и др., некоторые из них стали впоследствии царями – Антигон, Лисимах, Селевк, Птолемей.

Именно превосходство в вооружении, организации и дисциплинированности войска давало основания не только Александру, но и Филиппу и его полководцам рассчитывать на победу над войском Дария, численно превосходившим греко-македонское войско в несколько десятков раз. Правда, экспедиция, направленная в Малую Азию еще Филиппом под командованием Пармениона и Атгала, после ряда успехов вынуждена была вернуться в Македонию, и предводитель греческих наемников Дария – родосец Мемнон полностью овладел положением (только два опорных пункта на берегу Геллеспонта остались в руках македонцев). По всей вероятности, однако, Александр и его полководцы были осведомлены о состоянии персидского войска, отсталого по своему вооружению, действовавшего вразброд, не имевшего крепкого руководства; как с серьезной силой надо было считаться только с греческими наемниками, численность которых была невелика. Александр мог также рассчитывать на содействие и во всяком случае дружественный нейтралитет греческих городов, поскольку война начиналась под лозунгом эллинского единства и освобождения греческих городов. Благоприятным симптомом было то, что персы проявили бездеятельность перед лицом надвигающейся опасности, которую они недооценивали. Обладая несомненным превосходством на море, они ничего не предприняли, чтобы помешать переправе Александра в Азию. Во всяком случае поход в Азию означал большое дерзание, но и планы Александра были, надо полагать, в то время достаточно скромны и не шли дальше овладения Малой Азией. Весной 334 г. Александр, оставив Антипатра в качестве правителя Македонии и блюстителя ее интересов в Греции, на 160 кораблях переправился без помехи через Геллеспонт. Персы выслали против него отряд своей отличной кавалерии и греческих наемников Мемнона. Мемнон предложил сатрапам Азии отступить, опустошив оставляемые области, заманить Александра в глубь страны и затем перейти в контрнаступление. Но сатрапы отвергли этот план, не желая, в частности, разорять свои сатрапии, и готовились дать бой Александру.

Посетив после переправы Илион и продемонстрировав свою преданность эллинским героическим преданиям, Александр двинул войско к впадающей в Мраморное море речке Граник. Персы занимали противоположный берег с крутыми, местами отвесными склонами. Вопреки совету военачальников, Александр без передышки переправился через Граник, несмотря на то, что неприятель занимал более выгодную позицию на высоком берегу, и вступил в бой с персидской кавалерией. Сражение едва не стоило жизни Александру, которого спас от смерти Клит. Благодаря стремительному натиску тяжелой конницы Александра легкая

кавалерия персов была опрокинута и обращена в бегство, потеряв убитыми многих высших военачальников, в том числе лидийского сатрапа, зятя царя Спитридата. После этого македонская фаланга обрушилась на греческих наемников, стоявших в бездействии позади персидской кавалерии, и почти полностью их уничтожила; 2000 греков были взяты в плен. Мемнону удалось спастись. Потери македонцев убитыми составили всего 115 человек, из них 25 гетэров.

Победа при Гранике открыла Александру свободный путь по всему побережью, так как персы не подготовили другого войска, чтобы задержать продвижение Александра. Города Малой Азии стали сдаваться Александру. Он вступил в Сарды – важнейший опорный пункт персов, назначил Асандра сатрапом Лидии и даровал городам Лидии свободу и «право пользоваться старыми лидийскими законами» (Арг. I, 17, 4).

Продвигаясь дальше вдоль побережья, Александр и его полководцы заняли, не встречая сопротивления, один за другим крупнейшие города, в том числе Эфес. Милет оказал сопротивление, но был взят штурмом, и часть греческих наемников перешла на сторону победителей. Персидский флот не сумел явиться вовремя и оказать помощь своим наемникам в Милете. В Карию ожесточенное сопротивление оказал Галикарнас, но после осады был взят.

После этого Александр прошел на юг до скалистого Климакса в Ликии, затем повернул в глубь Фригии и остановился на зиму в древней столице Гордии, где, по преданию, разрубив запутанный гордиев узел (на колеснице легендарного царя Гордия), утвердил за собой предсказанное пророчеством владычество над Азией. В завоеванных и занятых городах Александр восстанавливал демократию и объявлял греческие города свободными и автономными.

Тем временем Мемнон, спасшийся от разгрома при Гранике, получил от Дария широкие полномочия для борьбы с Александром. Мемнон решил перенести войну на территорию Греции. Он захватил Хиос, города на Лесбосе, но во время осады внезапно умер. Арриан (II, 1, 3) расценивает смерть Мемнона как величайшую потерю для Дария, а Диодор считает (XVII, 29, 4), что с его смертью дело Дария погибло. Сменивший Мемнона Фарнабаз взял Митилену и Тенедос, но расчеты на восстание в Греции не оправдались; к тому же Дарий отозвал греческих наемников. После этого военачальнику Александра Гегелоху не стоило большого труда вновь освободить острова, подавить олигархов и тиранов и восстановить демократию. Александр, выступив из Гордия, дошел до Анкиры. Соседняя Пафлагония изъявила покорность. Оттуда он прошел через Каппадокию и при попустительстве персов, благодаря своей обычной быстроте действий, совершил смелый переход через Киликийские ворота в горах Тавра.

После остановки в Тарсе, где он заболел, Александр пошел навстречу Дарию, собравшему большое войско и расположившемуся у местечка Сохи, на удобной позиции, где он мог использовать свое численное превосходство. Думая, однако, что Александр уклоняется от генерального сражения, Дарий покинул свою удачную позицию и продвинулся в Иссу. Положение Александра было рискованным, так как Дарий оказался у него в тылу. В случае поражения Александр оказался бы отрезанным. Но он решительно повернул против неприятеля, первый бросился во главе своей конницы на левый фланг противника и рассеял его. Дарий немедленно бежал с поля битвы. Греческие наемники Дария и правый фланг его войска сражались мужественно и даже потеснили левый фланг под командованием Пармениона; но угроза с фланга заставила наемников отступить, а при известии о бегстве Дария отступление стало всеобщим. Так с небольшими потерями Александр выиграл одну из величайших по своим последствиям битв в мировой истории (осень 333 г.).

Победителю достался роскошный шатер бежавшего царя; оказалось, что в поспешном бегстве Дарий забыл о сопровождавшей его семье; мать, жена и две дочери Дария оказались пленницами македонского царя.

Можно было бы ожидать, что опьяненный успехом Александр немедленно двинется в глубь Персидского царства. Ведь на этот раз он, имея меньше войска, чем при Гранике (часть его армии была выделена в качестве гарнизонов в завоеванных городах и на отдельные местные

операции), одержал победу над всем войском царя. Но у Александра, по-видимому, в результате победы созрел план покорения всего Персидского царства, чтобы создать на его месте свое мировое государство; а для этого надо было закрепить свои завоевания и обеспечить себе тем самым прочный тыл. Малая Азия была не вся завоевана, но и те области, куда не вступили войска Александра, были отрезаны от Персии и оказались во власти Александра. Надо было организовать управление Малой Азией.

Уже с самого начала начинают вырисовываться новые черты в монархии Александра, отличающие ее не только от персидской деспотии, но и от типа эллинских государств. Александр сохранил деление страны на сатрапии, заменяя, конечно, персидских сатрапов своими людьми, да и то не везде: в Каппадокии остался прежний правитель, бывший в сущности самостоятельным царьком, а не слугой Дария; в Гераклее Понтийской остается у власти династия тирана Клеарха; в Карию Александр вручает управление жене галикарнасского династа Аде. Но в то время как персидские сатрапы сосредоточили в своих руках гражданскую и военную власть, сами взимали подати с населения, чеканили свою монету, Александр предоставил своим сатрапам военную власть, притом ограниченную предначертаниями царя, но не дал им функций хозяйственных и финансовых. Эпимелеты в округах получали от населения подати и другие доходы и вносили их непосредственно в царскую казну. Главным казначеем (ἐπί τῆς χρημάτων) для всей Малой Азии до Тавра был назначен Филоксен. Чеканка монеты была централизована. Таким путем были заложены элементы централизации государственного аппарата, единства управления, экономической связи между сатрапиями, переставшими быть полунезависимыми княжествами.

Для суждения о характере возникавшего уже в начале завоевательных походов Александра нового типа государственного строя большое значение имеет исследование политики Александра по отношению к греческим городам Малой Азии.

Источники единодушно сообщают, что Александр, завоевывая Азию, освобождал эллинские города. Арриан рассказывает (I, 17, 4), что Александр «предоставил сардийцам и прочим лидийцам пользоваться старыми лидийскими законами и сделал их свободными» (ἐλευθέρους εἶναι ἀφήκεν). Из Эфеса Александр «отправил Алкимаха, сына Агафокла, с немалой силой на эолийские города и те из ионийских городов, которые еще оставались под властью варваров, и приказал ему всюду низвергать олигархии и устанавливать демократию, вернуть каждому городу его собственные законы и освободить от податей, какие они платили варварам» (I, 18, 12). О том же сообщает и Диодор (XVII, 24, 1). Идея освобождения греческих городов из-под власти персов была популярна со времени греко-персидских войн, а панэллинизм, пропагандируемый особенно Исократом, стал лозунгом внешней и внутренней политики Филиппа; под этим лозунгом Филипп легализовал свое добытое силой оружия положение ἡγεμόν'a Коринфской лиги и для предстоящего похода в Азию. Направив Аталла и Пармениона в Азию, Филипп поручил им «освободить эллинские города» (Diod. XVI, 91, 2). Освобождение эллинских городов способствовало тому, что война становилась популярной, при тех малых военных силах, денежных и материальных средствах, какими располагал Александр в начале своих азиатских походов, ему было совершенно необходимо обеспечить свой тыл, заручившись симпатиями и реальной поддержкой освобожденных греческих (и не греческих) городов. Восстановление демократии в завоеванных греческих городах также диктовалось в первую очередь не демократическими убеждениями, а военными соображениями – тираны, цари и олигархи держали сторону персов. Что и на первых шагах своей деятельности Александр не был принципиальным врагом тиранов и олигархов, мы имеем и прямое свидетельство в надписи из Эреса о суде над тираном Агониппом (OGIS 8): ему между прочим вменяется в вину, что он явился к Александру и оклеветал перед ним граждан. Но независимо от военных соображений Александр должен был считаться с тем, что поход в Азию был предпринят от имени Коринфской лиги для освобождения эллинов (Diod. XVII, 24, 1); после Граника он отправил добычу в Афины в дар

богине Афине от имени «Александра, сына Филиппа, и эллинов, кроме лакедемонян» (Arr. I, 16, 6; Plut., Alex. 16).

В последнее время, однако, политика Александра по отношению к греческим городам подвергнута сомнению. В 1934 г. Э. Бикерман выступил с опровержением «пушенной Дройзенем бездоказательной (!) мысли», будто Александр вернул свободу греческим городам в Азии²⁷. В. Эренберг, посвятивший этой теме специальную монографию²⁸, считает, что Бикерман сделал важное открытие, и сам развивает и уточняет положения Бикермана.

Концепция Бикермана – образец буржуазного формализма, оперирующего отвлеченно-юридическими категориями. Она основана на чисто формальном подходе к исследуемой теме. Он выдвигает вначале два «простых постулата»: 1) Александр вел войну против Персии; 2) Александр принимал законы войны своего времени. Отсюда он делает вывод, что все действия Александра определяются его ролью завоевателя.

«Простые» постулаты Бикермана, однако, отнюдь не так просты, как ему кажется. Александр воевал с персами; но он воевал в конкретных исторических условиях, выдвигавших перед завоевателем специальные задачи, субъективные и объективные, настолько сложные, что из одного факта ведения войны никак нельзя вывести всех последствий войны и всех политических мероприятий, неразрывно связанных с этой войной. Да и сама война была (и это основное) результатом сложного исторического процесса, приведшего к кризису эллинских государств и крушению Персидской державы.

Что касается второго постулата Бикермана, он просто верен. Как бы мы ни расценивали личность самого Александра, не подлежит сомнению, что завоевания Александра означали такой переворот во взаимоотношениях между победителями и побежденными, какого мир до того не знал. Современники Александра, античные историки и философы, лучше поняли сущность и характер политики Александра. Именно в действиях Александра как завоевателя Плутарх усматривает основание причислить его к философам (*de fort. Alex.*, p. 432 F).

Еще более формально подходит Бикерман к вопросу об отношении Александра к Персии и Элладе. По его мнению, Александр применял здесь *ius talionis*: персы в свое время ограбили Грецию – Александр грабил Персию; персы жгли греческие города – Александр сжег Персеполь; персы заняли территорию Эллады – Александр захватил территорию Персии. Но персы не захватили и не удержали ни одного города в Элладе – Александр не считал нужным отдать Элладе какой-нибудь из завоеванных им городов. Именно поэтому, руководствуясь *ius talionis*, Александр не включил освобожденных от персидского владычества азиатских городов в состав Коринфской лиги.

Это рассуждение Бикермана свидетельствует лишь о том, к каким неверным выводам может привести формально-юридический подход к историческим событиям²⁹.

Что означала свобода, которую провозглашал Александр? В это понятие различные историки вкладывают различное содержание, но и в древности оно имело в разных исторических условиях разное значение: *ἐλευθερία* означала между прочим свободу от долгов, и в деловых документах так обозначается имущество, свободное от долговых обязательств. В этом смысле применяет этот термин Антигон в письме к Теосу (RC 3); у него получается даже как бы каламбур; он говорит о своих заботах о финансовом благополучии города: ... συντάσσομαι

²⁷ E. B i c k e r m a n n. Alexandre le Grand et les villes d'Asie, REG 47 (1934), стр. 346.

²⁸ V. E h r e n b e r g. Alexander and the Greeks, Oxf., 1941.

²⁹ Исходя из таких же бессодержательных формальных рассуждений, А. Heuss (Staat und Herrscher des Hellenismus «Klio», Beih. 39, 1937) приходит к диаметрально противоположному выводу, будто подчиненные эллинистическим монархиям города были вполне суверенны и лишь были дружественно настроены к монархии. Оспаривать точку зрения Heuss'a нет смысла. Его книга просто невежественна. Автор не знает материала, а тех данных, которые ему известны, он не понимает. Даже греческого языка он не знает и, например, повеление Εἶναι τὴν πόλιν ἐλευθέραν («быть городу свободным») он переводит изыскательным наклонением и делает отсюда соответствующие выводы.

ταῦτα θεωροῦντες, ὅπως ὧν ὀφείλουσιν αἱ πόλεις ἐλευθέραι γένωνται, νομίζοντες γὰρ ὑμᾶς τό γε ἐφ' ἡμῖν εἶναι τᾶλλα ἐλευθέρους καὶ αὐτονόμους κτλ. («мы это устанавливаем для того, чтобы города стали свободными от долгов, полагая, что поскольку это от нас зависит, мы и в других отношениях сделали вас свободными и независимыми»). В договоре между Антигоном и Полиперхонтом предусматриваются εἶναι δὲ καὶ τοὺς Ἑλληνας πάντας ἐλευθέρους, ἀφρουρήτους, αὐτονόμους (Diod. XIX, 61, 3). В других случаях встречается αὐτονόμος καὶ ἀφορολόγητος (RC 15, 23, 26), ἱερά καὶ ἄσυλος καὶ ἀφορολόγητος (RC 35, 6, 8), ἐλευθερία καὶ αὐτονομία (RC 1, 55). Принято считать, что все эти термины, называемые рядом с ἐλευθερία, составляют собственно содержание понятия ἐλευθερία – отсутствие гарнизона, собственная конституция (αὐτονομία), свобода от подати; в содержание автономии включают также право чеканки монеты. Но означает ли ἐλευθερία в то время государственный суверенитет?

Коринфская лига составляла формально союз суверенных государств, основанный на договоре. В присяге члены лиги обязываются³⁰ ἐμμενῶ [τῆι συμμαχίαι καὶ οὐ λύσω τὰς σ]υνθήκας τὰς πρὸς Φίλιππον Μακεδόνα οὐδ[ὲ ὄπλα ἐποί]σω ἐπὶ πημονῆι ἐπ' οὐδένα τῶν] ἐμμενόντων ἐν το[ῖς ὄρκοις οὔτε κατὰ γῆν] οὔτε κατὰ θάλασ[σαν· οὐδὲ πόλιν οὐδὲ φρο]ύριον καταλήψο[μαι οὔτε λιμένα ἐπὶ πολέ]μοι οὐδενὸς τῶν τ[ῆς εἰρήνης κοινονο]ούντων τέχνηι οὐδεμί[αι οὔτε μηχανῆι· οὐδὲ τῆ]ν βασιλείαν [τ] ἢν Φ[ίλιππου καὶ τῶν ἐκγόν]ων καταλύσω ὁ δὲ (sic) τὰς πολιτείας τὰς οὔσας] παρ' ἐκάστοις κτλ. Здесь мы имеем формальную симмахию, и соответствующая реконструкция текста Вилькеном (συμμαχία) не вызывает сомнения. Но эта «добровольная» симмахия суверенных государств – результат поражения эллинских свободных полисов при Херонее, давшего Филиппу господство над Элладой. Суверенитет входящих в симмахию полисов имеет не больше значения, чем суверенитет городов по отношению к Антигону и Деметрию Полиоркету в эпидаврской надписи 302 г., сформулированной в тех же выражениях³¹.

В период диadoхов ἐλευθερία теряет всякую связь с понятием государственной независимости и суверенитета. Мы уже видели, как Антигон печется о «свободе» Теоса, распоряжаясь городом как полновластный хозяин. В другом документе, в своем манифесте 311 г. (RC 1), Антигон пишет греческим городам (сохранившийся в надписи экземпляр адресован Скепсису), что он старается о свободе эллинов и что в соглашении между ним и коалицией Кассандра, Лисимаха и Птолемея оговорено, что все греки должны принести клятву «взаимно охранять свободу и автономию». Скепсис откликнулся на манифест Антигона декретом об увенчании его и его сыновей и об учреждении ему культа (OGIS 7). Это, однако, не помешало Антигону вскоре принудить Скепсис к синойкизму с основанным им городом Антигонией Троядой (позднее Александрия Трояда). Свобода не означает даже освобождения от подати, которое оговаривается особо. Но нет основания думать, что в этом, как и в многочисленных других случаях, мы имеем с обеих сторон только лицемерие. Ведь города дорожили этой свободой и помогали ее. Ἐλευθερία не обозначала суверенитета; но она для того времени означала самоуправление, свою гражданственность, свои νόμοι, свободу распоряжения земельной территорией, принадлежащей городу. Конечно, в то время, к которому относятся походы Александра, существовали действительно свободные суверенные полисы (например, Спарта). Ламийская война показала, что стремление к сохранению действительной независимости и свободы не было подавлено у греков ни Филиппом, ни Александром, ни Антипатром. Но именно политика Александра, направленная к созданию единой мировой монархии, должна была изменить содержание понятия ἐλευθερία, которая в своем прежнем значении несовместима с суверенитетом монарха, с включением всей завоеванной территории вместе с Элладой в единое государство.

³⁰ Syll.³ 260; U. Wilcken. Philipp II von Makedonien...

³¹ АРАУ, 1927, стр. 14–15.

Что касается греческих или эллинизированных городов на Востоке, то их освобождение мыслилось, с точки зрения эллинов, как освобождение только от персидской власти. Этим отчасти объясняется, что не все греческие города в Малой Азии с энтузиазмом встречали Александра и не только Тир, Газа, Галикарнас, но и небольшие города Аспенд, Сиде, Солы оказали ему сопротивление. В процессе завоевания у Александра все больше укреплялась идея мирового господства, и старые панэллинские лозунги утрачивали свою актуальность, все меньшую роль играли в политике завоевателя.

Таким образом, понятие «свободы» изменило свое содержание; если, может быть, вначале мерещилась картина панэллинского союза, куда входили бы и азиатские πόλεις Ἑλληνίδες под эгидой македонского царя, то уж во всяком случае после битвы при Иссе об этом не могло быть речи. «Свобода» была не свободой классического полиса с его автаркией и ограниченностью, а свободой в смысле противопоставления восточной деспотии, в смысле включения в качестве автономной единицы в систему нового типа государства, до тех пор неизвестного. Только о такой свободе и может идти речь, когда Александр говорил об освобождении городов.

В первый период войны, конечно, еще панэллинская идея задавала тон в политике. Мало того, Александру еще надо было утвердить свое право выступать от имени эллинства не только по праву победителя, но и как носителю эллинской культуры. Он выступал в роли нового Ахилла. Поэтому он первую добычу посвящает Афине; он принимает от Милета почетную должность стефанефора-эпонима на 334/333 г. В Приене от его имени освящается храм Афины-Полиады (Syll.³ 277). Он хотел, чтобы и в Эфесе на вновь выстроенном после геростратова пожара храме Артемиды красовалось его имя, обещав за это возместить все прошлые и будущие расходы на храм. Впрочем, эфесцы отклонили это предложение под благовидным предлогом, что не подобает богу делать подношения богам (Strab. XIV, 641).

Особенно много заботы он проявил об Илионе. «Нынешний город Илион был в то время, говорят, деревушкой. Александр после победы при Гранике, прибыв туда, украсил святилище приношениями, объявил Илион городом, предписал эпимелетам отстроить его, объявил его свободным и освобожденным от подати» (Strab. XIII, 593). Но уже жестокая расправа с Фивами³² показала, что с самого начала на первом месте стояло у Александра укрепление собственной власти для осуществления планов завоеваний на Востоке.

Освобождение городов Азии не могло в то время означать предоставление им независимости или даже включение их в Коринфскую лигу, т. е. расширение эллинского государства. Политику Александра следует рассматривать и оценивать не с точки зрения идеологов панэллинизма или формально-юридических норм нынешнего международного права, а с точки зрения тех задач, которые ставил перед собой Александр.

Уже первый засвидетельствованный в надписи акт Александра отражает его позицию в вопросе об азиатских греческих городах. В приенской надписи 334 г. (OGIS 1) приенцы объявляются «автономными и свободными», но это не означает независимости Приены, хотя бы в форме включения ее в Коринфский союз; Александр прямо заявляет, что χώρα – его собственность, и население κῶμοι должно платить φόρος; но город Приену он освобождает от συνταξις, под которым, очевидно, разумеется подать, которую Приена платила персам. В сильно фрагментированной последней части надписи упоминаются φρουρά, δίκας, δικαστήριον; по-видимому, в указе Александра регулируются вопросы о гарнизоне и об организации суда. Мы видим, что не только свобода, но и автономия Приены довольно сомнительна. И тем не менее в другой надписи 334 г., в честь Антигона (Syll.³ 278) Приена устанавливала у себя как бы новую эру – αὐτονομῶν ἐόντων τῶν Приηνέων (ср. Syll.³ 282).

³² Вилькен (Alexander..., стр. 66) видит в этом акте выражение преданности Александра... панэллинской идее! Вот до чего может довести формально-юридическое отношение к историческим событиям.

Особый интерес представляет надпись из Хиоса (весна 332 г.), содержащая указ Александра. Хиос был освобожден после Граника, олигархи здесь были свергнуты. Но в 333 г. Мемнон отвоевал остров для Дария, а после смерти Мемнона остров оставался во власти Фарнабаза (Arr. II, 13, 5). Уже после битвы при Иссе, Гегелох по поручению Александра осадил Хиос; в это время в городе произошли какие-то раздоры между олигархами и греческими наемниками; воспользовавшись этим, демократическая партия сдала город македонянам (Arr. III, 2, 3–4). Во время осады города Александр и издал свой эдикт (Syll.³ 283): «При притане Дейситее от царя Александра народу хиосцев. Пусть все изгнанники из Хиоса возвратятся, а государственный строй в Хиосе да будет демократический (πολίτευμα δὲ εἶναι ἐν Χίῳ δῆμον). Пусть будут избраны номографы, чтобы они записали и исправили законы, чтобы не было ничего противоречащего демократии или возвращению изгнанников; написанные или исправленные (законы) представить Александру. Пусть хиосцы представят двадцать триер, снаряженных на их средства, пусть они плавают до тех пор, пока остальной эллинский флот будет плавать с нами. Из лиц, предавших город варварам, кто успеет бежать, те пусть будут изгнанниками из всех городов, участвующих в мире (т. е. в Коринфской лиге), и пусть они подлежат выдаче согласно решению эллинов. А кто из них останется, тех представить на суд синедриона эллинов. Если возникнут какие-либо споры между вернувшимися и остающимися в городе, они должны разрешаться у нас. Пока хиосцы не поладят, пусть будет у них гарнизон (φυλακὴ) от царя Александра, какой окажется достаточным; хиосцы должны его содержать».

Из того, что о бегстве предателей или их пребывании в городе говорится в будущем времени, надо заключить, что указ Александра был издан и послан Гегелоху еще до взятия города, когда, следовательно, Александр был особенно заинтересован в расположении граждан. Между тем вторичное освобождение Хиоса не означает даже автономии; новые законы пишутся по указанию Александра и поступают к нему на утверждение; споры между вернувшимися изгнанниками и населением города решает Александр; под предлогом охраны порядка в городе остается гарнизон, который горожане обязаны содержать на свой счет. Двадцать триер Хиос должен представить, по-видимому, на правах члена Коринфской симмахии. Но и Коринфской лигой Александр распоряжается по своему усмотрению. Как мы знаем из Арриана (III, 2, 5 сл.), Гегелох отправил захваченных олигархов Хиоса не на суд Лиги, а к Александру, который сослал их в Элефантину. Указ направляет на суд синедриона только незначительных сторонников олигархии, нашедших возможным оставаться в городе и после его занятия македонскими войсками. Бежавшие в пределы городов, входящих в Коринфскую лигу, объявляются ἀγώγιοι, но за пределами этих городов изгнанники, очевидно, находились в полном распоряжении Александра.

Митилена входила в состав Коринфской лиги. Но и здесь урегулирование споров между οἱ ἐν τῇ πόλει πρόσθε ἔοντες и οἱ κατεληλύθοντες совершается, как указано ἐν ταῖς διαλυσίεσσι ταῖς ὁ βασιλεὺς ἐπέκριννε (OGIS 2, строка 29), т. е. споры между вернувшимися изгнанниками и местным населением разрешаются в соответствии с предписанием царя.

Завершением политики Александра по отношению к греческим городам был его знаменитый указ, оглашенный Никанором на олимпийских играх 324 г. «Царь Александр изгнанникам эллинских городов (Ἑλληνίδων πόλεων). В том, что вы в изгнании, мы неповинны, но вашему возвращению, каждому на свою родину, мы будем причиной, за исключением подвергнувшихся проклятию. Мы написали Антипатру, чтобы он принудил те города, какие не захотят вернуть изгнанников» (Diod. XVIII, 8). Известно, к каким тяжелым последствиям привело обнаружение этого указа в Греции. Но, например, Тегея приняла его как должное. В надписи 324 г. (Syll.³ 306 [текст уточнен. – Ped.]) они пишут: ... [βασιλεὺς Ἀλέξ]ανδρος τὸ διάγρ[α]μμα, γραφῆναι κατὰ τὰ ἐ[πανω]ρθώσατο ἅ πόλεις τὰ ἐν τοῖ διαγράμματι ἀντιλεγόμενα· τὸς φυγάδας τὸς κατενθόντας τὰ πατρώια κομίζεσθαι κтл. Тегейцы исправили свои законы, противоречив-

шие διάγραμμα Александра, и получилось, таким образом, что они возвращают изгнанников в соответствии со своими законами.

При таком отношении к установившейся власти македонского царя, ставшего владыкой мира, вполне понятно, что и диадохи, может быть, вполне искренне, считали, что уважают свободу и автономию эллинских городов, хотя фактически с ними не считались; а с другой стороны, города пишут о царе и его преемниках в тоне покорного раболепия, напоминая почтенные декреты периода Римской империи. Интересна в этом смысле надпись в честь Терсиппа: когда после смерти Александра Филипп Арридей и Александр унаследовали престол, Терсипп, ἔων [τοῖς βασι]λήεσσι φίλος καὶ τοῖς στρατ[άγοισι] καὶ τοῖς ἄλλοις Μακεδόνεσσι, оказал городу большие услуги. Ἀ[ντιπ] ἄτρω γὰρ ἐπιτάξαντος χρήματα εἰς τὸν πόλεμον εἰσφέρειν, πάντων τῶν ἄλλων εἰσφερόντων Θέρσιππος παραγενόμενος πρὸς τοῖς βασιλέας καὶ Ἀντίπατρον ἐκο[ύ]φισσε τὰμ πόλιν· ἔπραξε δὲ πρὸς Κλε[ῖ]τον περὶ τὰς εἰς Κύπρον στρατείας καὶ ἐ[κ] μεγάλας δαπάνας εἰς μικρὸν συνάγαγε (OGIS, 4 [lin.10–16] [текст уточнен. – *Ред.*]). Важно отметить, помимо раболепного тона по отношению к царям и стратегам, то обстоятельство, что и Александр и рядовые военачальники накладывают на свободные эллинские города военные налоги. Но это соответствовало тогдашним понятиям о свободе и слагавшемуся новому типу государства.

Бикерман и вслед за ним Эренберг были бы вполне удовлетворены свободой греческих городов, если бы они были включены Александром в Коринфскую лигу; тогда все формально было бы правильно; но по существу это ничего бы не изменило. Свобода в системе эллинистической монархии имела иное значение, чем в системе эллинских полисов классического времени; задача эллинистических монархий в том и состояла, чтобы положить конец партикуляризму, ограниченности, раздробленности греческих полисов, но то не было деспотией или тиранией, то было нечто совершенно новое; параллельно с падением независимости греческих городов шло втягивание в политическую жизнь, приобщение к эллинской культуре народов Востока. Политика Александра была гораздо шире, чем это кажется с узко эллинской точки зрения, или с точки зрения формально-юридической, не считающейся с конкретными историческими условиями. Древние авторы хорошо это понимали.

Александр, пишет Плутарх, «построив для варварских народов более семидесяти городов и рассеяв по Азии семена эллинских учреждений, поднял их». «Ибо он прошел по Азии не как разбойник и не потому, что вознамерился захватить и набрать данную неожиданной удачей добычу и наживу, как впоследствии Ганнибал вторгся в Испанию, а до того треры в Ионию и скифы в Мидию, но, желая, чтобы все люди на земле стали повиноваться одному разуму и одному государственному строю, он соответственно этому себя сформировал».

Мы не имеем прямых данных для суждения о тех сознательных целях, какие себе ставил Александр. Созданная им грандиозная держава оставалась конгломератом различных племен и народов с различными формами политической и общественной жизни. Он не проводил последовательной политики во всех завоеванных областях; он сохранил храмовые территории и их систему управления, оставил у власти финикийских царьков, иерусалимскую иерократию и т. д. В том объеме, в каком ее создал Александр, держава его не могла существовать продолжительное время и распалась, но некоторые черты его политики продолжались его преемниками.

Мы не знаем тех 70 с лишком городов, которые, по словам Плутарха, построил Александр на Востоке³³, но Александрия и Ходжент, ставший Ленинаканом, Кандагар и Герат существуют поныне, и, главное, его строительство городов послужило примером для градостроительства диадохов – Селевкидов, Птолемеев, Атталидов.

³³ В. Шапо даже пытался на основании чисто теоретических соображений доказать, что основанные Александром города не могли существовать долго, и македонские колонии на Востоке должны были вскоре исчезнуть. См. V. Chapt. Alexandre fondateur de villes. «Mélanges Glotz», P., 1932.

В своей политике по отношению к греческим городам Малой Азии Александр мог руководствоваться в каждом конкретном случае множеством разнообразных мотивов, в том числе случайных, личных, даже может быть мелочных. Но вся его политика в целом велась в направлении, объективно диктуемом условиями экономической и общественной жизни того времени. Политика по отношению к Элладе и Ἑλληνίδες πόλεις была одним из элементов, из которых создавался новый период в истории человечества – эллинизм.

После поражения при Иссе военная сила Дария не была еще сломлена, а на море персидский флот занимал господствующее положение. Александр с самого начала не стремился создать собственный сильный флот, рассчитывая с суши сокрушить могущество флота Дария, лишив его баз. Вероятнее всего, Александр не хотел прибегать к помощи флота эллинов, чтобы не дать им права претендовать на участие во владении завоеванными территориями. Если греки делали вид, будто они – союзники Македонии, а Филипп и Александр – избранные ими руководители, то Александр, хотя и отдавал некоторую дань фикции «союза», по существу смотрел и на Элладу как на часть (правда, непокорную и хлопотливую) своего государства и не был заинтересован в помощи греков. Завершением этой политики было то, что в 330 г., после окончательной победы над Дарием, Александр отпустил домой и те незначительные контингенты, которые он получил от Коринфского союза, и даже фессалийскую конницу.

Итак, предоставив Дарию набирать силы для нового боя, Александр двинулся вдоль сирийского побережья. Парменион пошел в глубь Сирии и без боя взял Дамаск, где захватил большую добычу, разрешившую денежные затруднения Александра. В начале сирийского похода в Марафе Александр принял посольство Дария, предлагавшего мир и дружбу. Но Александр отверг предложение Дария, требуя безусловной сдачи³⁴. Финикийские города – Арад, Библ, Сидон – один за другим сдавались Александру; только Тир вступил было в переговоры, но отказался впустить Александра в расположенный на острове город. Александр приступил к осаде Тира, считавшегося тогда неприступным; даже Навуходоносор не сумел его взять. Александр приступил к сооружению двухкилометровой дамбы между берегом и островом; несмотря на сопротивление Тира, дамба была построена, но осажденные разрушили дамбу и сожгли возведенные на ней осадные сооружения. Александр мобилизовал флот финикийцев, Родоса, Кипра и других городов и обложил Тир со всех сторон. После нескольких приступов отчаянное сопротивление тирян было сломлено. Город был взят (лето 332 г.), значительная часть населения перебита, около 30 тысяч человек проданы в рабство. Примерно семь месяцев продолжалась осада Тира. Но взятие этого крупнейшего опорного пункта Персии на Средиземном море и, главное, «неприступной» крепости сильно подняло престиж Александра; оно имело и далеко идущие последствия для организации государства Александра и его преемников, так как падение Тира способствовало быстрому росту и расцвету новых городов, созданных Александром и его преемниками.

Еще во время осады Тира Дарий вторично предложил Александру мир. На этот раз он предлагал Александру все территории к западу от Евфрата, 10 000 талантов в качестве выкупа за свою семью, попавшую в плен при Иссе, руку своей дочери и в виде заложника – своего сына Оха. На созванном по этому поводу совете Парменион заявил, что если бы он был Александром, он бы принял это предложение. На это Александр ответил, что и он бы его принял, если бы он был Парменионом. В этом анекдоте, который приводится во всех источниках, дана характеристика различных взглядов, с одной стороны, македонской знати, а с другой – Александра на цели и задачи войны. Александр уже видел себя владыкой Востока и ни на какие частичные уступки не шел. Дарию оставалось только готовиться к дальнейшей борьбе.

³⁴ Запутанный в источниках (Арриан, Плутарх, Диодор, Курций Руф) вопрос о количестве посланных посольств Дария к Александру и о содержании его предложений основательно разобран проф. С. И. Ковалевым («Переговоры Дария с Александром и македонская оппозиция», ВДИ, 3, 1946, стр. 46 сл.).

В своем движении к югу после взятия Тира Александру пришлось задержаться у древнего филистимского города Газы, оказавшего сопротивление. После двухмесячной осады город был взят, население частью перебито, частью продано в рабство. Александр заложил здесь греко-македонскую колонию.

Наконец, Александр дошел до Пелузия и вступил на территорию Египта. Персидский сатрап Мазак не оказал сопротивления, и Александр завладел Египтом без жертв. Проследовав в Мемфис, Александр оказал принятые почести Апису и египетским богам, и египетские жрецы признали его фараоном. Однако сам Александр, очевидно, вовсе не мечтал о том, чтобы стать фараоном Египта, хотя это, несомненно, должно было укрепить его позиции на Востоке. Мы не знаем его мыслей и планов, но его действия вели к «смещению народов, обычаев, законов», к созданию не греческого, не египетского, даже не македонского, а единого всеохватывающего государства. Одним из важных элементов среди мероприятий Александра в этом направлении было основание Александрии в Египте. Из Мемфиса он спустился по Нилу к морю и здесь у острова Фароса заложил свой первый город, ставший впоследствии крупнейшим экономическим и культурным центром эллинистического мира.

Александр внес существенные изменения и в систему управления Египтом. И здесь он отделил гражданскую власть от военной; назначив македонцев правителями Ливии и прилегающей к Аравии части Египта, он поручил гражданское управление собственно Египтом египтянину. Финансовое ведомство было выделено и поручено Клеомену. Македонские гарнизоны и флотилия в устье Нила остались под командованием македонцев. Таким образом, единоличная власть сатрапа была децентрализована, вместе с тем сделана попытка сближения с местным населением. Культурное сближение между греко-македонцами и египтянами должно было выразиться в признании Александром египетских культов, в планах соединения в Александрии культов греческих и египетских богов (Arr. III, 1, 5).

Во время пребывания Александра в Египте к нему прибыл Гегелох, сообщивший о ликвидации морского могущества персов и о присоединении островов к державе Александра. Теперь у Александра была полная свобода действий на Востоке – тыл был прочно обеспечен.

Прежде чем покинуть Египет, Александр совершил романтическое путешествие через пески пустыни в оазис Сива к оракулу Амона. Источники разукрасили этот эпизод всевозможными чудесными и фантастическими деталями. Александра встретил в святилище верховный жрец, он приветствовал его как сына Амона и пропустил его в святая святых, где царь получил от оракула ответ на свои вопросы.

Путешествие Александра к оракулу Амона вызвало в современной историографии громадную литературу³⁵.

Разнообразные гипотезы выдвигаются для объяснения целей и мотивов этого путешествия – от чисто психологических (Раде, Эренберг) до грубо реалистических (Андреоти и др.). Выдвигаются вопросы о том, что произошло в святилище Амона. Действительно ли было Александру пророчество, и как он к нему отнесся? Верил ли он сам в свое божественное происхождение от бога Амона, или, распространяя молву об этом, он действовал только из политических соображений? Были ли во всем этом эпизоде трезвый расчет или романтический порыв? Такая постановка вопроса вряд ли целесообразна. Конечно, Александр мог поверить в свое божественное происхождение. Геллий (XIII, 4) приводит даже анекдот, будто в письме к своей матери Олимпиаде Александр подписался «Александр, сын Юпитера-Амона»; Олимпиада ему ответила: «Перестань, пожалуйста, сын мой, не доноси на меня Юноне, а то она найдет на меня большое зло, если ты в своих письмах признаешь меня ее соперницей» (ср. Plut., Alex., 3).

³⁵ См. основные работы последних десятилетий в *Histoire générale* Глотца, *Histoire Grècque*, т. IV, Paris, 1946, стр. 92. См. также С. А. R o b i n s o n. Alexanders deification, *AJPh*, LXIV, 1943, стр. 286 сл.

Вера в божественность великих людей была распространена не только на Востоке, но и в Греции, где религиозный культ воздавался даже Платону. Александр мог использовать в политических видах представления о божественности выдающихся людей и искусственно вызывать такие представления у своих подданных. Но у нас нет данных для суждения о действительных мотивах, которые побудили Александра посетить святилище Амона и испросить у него оракул. Достоверно то, что этот эпизод – звено в цепи событий и действий, которые закончились в 324 г. декретом афинского народного собрания о признании Александра богом. Была ли то мания величия или политический расчет, во всяком случае объективно это означало идеологическое утверждение мирового владычества Александра, в некотором роде религиозное дополнение к созданной им державе.

В 331 г. Александр покинул Египет и вернулся в Тир. Проведя ряд мероприятий по организации управления Сирией и Финикией, умиротворив Афины освобождением захваченных при Гранике в плен наемников (афинян), приняв меры против Спарты, где царь Агис подготовлял восстание против македонской власти, Александр выступил в новый поход против Дария.

Высланный вперед Парменион подготовил у Тапсака переправу через Евфрат. Вавилонский сатрап Мазей не оказал сопротивления, и войско Александра переправилось без боя. Так же беспрепятственно Александр перешел через Тигр. Здесь, недалеко от развалин древней Ниневии, у местечка Гавгамелы поджидал Дарий своего противника. Дарий мобилизовал громадную армию из всех сатрапий, остававшихся под его властью. Войско Дария имело в составе своем сильную конницу, боевые колесницы, снабженные серпами, 15 слонов и настолько большое количество пехоты, что фронт выдавался далеко за фланги войска Александра, угрожая ему охватом с двух сторон. Александр на этот раз также имел более многочисленное войско – 40 000 пехоты и 7000 всадников, но если даже отвергнуть явно преувеличенные сведения о численности войск Дария (миллион пехоты), оно во много раз превосходило силы Александра.

Сражение при Гавгамелах 1 октября 331 г. было более упорным, чем предыдущие столкновения македонцев с персами. Но и здесь решительность, дисциплинированность и умелое руководство дали войску Александра решительную победу. Уже в самом начале боя Александр со своими гетэрами ударил в центр фронта персов, где находился Дарий, и при поддержке гипаспистов и фаланги прорвал его. Дарий бежал с поля битвы. Это, правда, еще не решило исхода боя. Персидская конница рассеяла, было, левый фланг македонцев, но бросилась грабить лагерь и дала возможность другому отряду македонцев обратить ее в бегство; при этом персидские конники столкнулись с Александром, спешившим на выручку Пармениона, и только часть их сумела после кровопролитного боя прорваться и бежать. Известие о бегстве Дария привело в замешательство еще державшиеся отряды персидского войска, и они отступили в беспорядке. Только греческие наемники и бактрийско-согдийская конница под начальством Бесса отступили в порядке.

Победа Александра была полная. Он, однако, не удовлетворился ею; чтобы завершить войну и стать бесспорным владыкой царства Ахеменидов, он считал необходимым уничтожить и самого Дария. Не дав войску передышки, он устремился в погоню за Дарием, уничтожая по пути персидских беглецов, и, совершив переход в 80 километров, прибыл в Арбелу, где рассчитывал настигнуть Дария. Но Дарий бежал; с близкими людьми и 2000 греческих наемников он прошел в Мидию и остановился в Экбатане. Александру досталась в Арбеле громадная добыча. Кроме того, если Дарий и ускользнул, то зато осталась открытой дорога на Вавилонию и Сузы. Учитывая, надо полагать, политическое значение овладения Вавилоном, Александр не пустился преследовать Дария, а направился в Вавилон. Сатрап Мазей вышел с представителями города навстречу Александру и вручил ему власть над городом. Александр получил, таким образом, законное основание считать себя властителем Азии, преемником великих восточных царей.

И в Вавилоне, как и в Египте, Александр повел себя не как завоеватель, а как «законный» царь. Он оказал надлежащие почести местным культам, распорядился «восстановить» разрушенный Ксерксом храм Мардука. Он оставил сатрапом Мазея, хотя в соответствии с принятой им системой управления и назначил македонцев Аполлодора и Асклепиодора руководителями военного и финансового ведомств. На первых порах Мазей даже продолжал чеканить серебряную монету прежнего образца. Александр назначил также перса Митрена сатрапом Армении. Это назначение было лишь номинальным, так как Армении Александр не покорил; но самый факт назначения персов на должность сатрапов был одним из выражений стремления создать единое государство, где покоренные народы должны занять такое же правовое положение, как завоеватели-македонцы.

Из Вавилона Александр двинулся в Сузы и занял древнюю столицу Элама без боя. Здесь он захватил 50 000 талантов; в числе добычи оказалась скульптурная группа тираноубийцы работы Антенора, увезенная Ксерксом из Афин. Александр возвратил ее в Афины.

Дальнейшее движение в Персиду оказалось не столь легким, Александру пришлось преодолеть сопротивление горцев и выдержать бой с сатрапом Ариобарзаном. Благодаря смелому и быстрому обходному маневру персидское войско было уничтожено, а Ариобарзан бежал. Столица Ахеменидов, Персеполь, сдалась на милость победителя. 120 000 талантов достались Александру в Персеполе. Но он не удовлетворился военной добычей. Персеполь должен был поплатиться за разорение Аттики за 150 лет до того Ксерксом. По приказу Александра город подвергся разграблению и разорению, великолепный дворец Ксеркса был сожжен. Поскольку Александр раньше щадил покорившиеся без боя города, разгром Персеполя и его дворца приходится признать намеренным символическим актом, означавшим выполнение первоначальной миссии – мести персам за походы в Элладу – и крушение Персидского царства; вместе с тем эта расправа должна была служить предостережением для других сатрапий – не пытаться силой противостоять победоносному шествию царя.

Дарий тем временем оставался в Экбатане в окружении нескольких сатрапов во главе с Бессом, сатрапом Бактрии. Неизвестно, собирал ли он новое войско или выжидал каких-нибудь событий, которые могли бы повернуть исход войны, например восстания в тылу Александра.

В Греции действительно в то время активизировались силы, враждебные Македонии. Спартанский царь Агис открыл враждебные действия и осадил Мегалополь, оплот Македонии в Аркадии. Но Антипатр мобилизовал значительное войско и разбил греков, осаждавших город. Агис пал в битве. В результате Греция потеряла надежду на освобождение от Македонии, которая стала теперь властвовать в Элладе, сведя фактически на-нет фикцию добровольной симмахии под руководством выборного главы – Александра. Теперь с этой стороны Александру ничего не грозило.

Дарий не решился вступить в борьбу с победителем, и когда Александр вступил в Экбатану, он там не застал уже персидского царя, бежавшего дальше на восток.

В Экбатане Александр отпустил домой бывшие в его войске отряды Коринфского союза и фессалийской конницы. Таким образом, он фактически порвал те нити, которые хотя бы формально связывали его с греками. Эллада больше не является участницей его походов и не может участвовать в его успехах. Александр больше не *στρατηγὸς ἀυσοκράτωρ* Коринфского союза; он – правитель созданного им царства, причем его титул *βασιλεύς* может означать не титул македонского властителя, а унаследованное от Ахеменидов положение «великого царя», «царя царей». Об этом пока еще нет речи, но что к этому дело шло, становилось ясно уже в то время, и это привело, как увидим дальше, к росту оппозиции в лагере македонской знати.

Узнав о бегстве Дария, Александр стремительным маршем выступил на преследование врага; в пути он узнал, что сатрапы, в первую очередь Бесс, свергли Дария и держали его у себя уже как узника. Оставив на месте все войско, Александр с 500 всадниками совершил беспри-

мерный бросок через пустыню, покрыв в шесть дней 350 километров. При его приближении Бесс и его группа разбежались, предварительно поразив кинжалом Дария. Александр застал его уже мертвым. Он оказал его трупу почести и отправил его для погребения в Персеполь. Так закончилась война с Дарием (330 г.), показавшая не только превосходство македонского полководца и его армии, ее военной выучки и дисциплины, но прежде всего слабость, рыхлость конгломерата народов, какой представляло государство Ахеменидов.

Оставалось еще подчинить отдаленные восточные области Персидского царства, о которых у греков существовали самые смутные представления. Географические познания тогдашнего времени не простирались так далеко. Каспийское море представляли себе вливающимся в Океан, Гиндукуш считали продолжением Кавказа; эти страны населяли неведомые народы и племена, часто носившие в представлениях греков чисто мифологические черты. Здесь приходилось иметь дело с непокорными племенами, применявшими иные способы ведения войны, чем народы, с которыми греки сталкивались до того. В течение трех лет, преодолевая большие трудности, Александр подчинял восточные сатрапии, укрепляя свою власть теми способами, какие он применял до того; он привлекал к себе на службу представителей местной знати, к непокорным применял жестокие репрессии, по пути своего прохождения основывал новые города – Александрии, которые должны были не только служить для него опорными пунктами, но и сблизить местное население, его экономику, быт и культуру, с греко-македонскими установлениями. Так, он подчинил Гирканию, Арию, Парфию, Дрангиану, Арахозию, Бактрию и Согдиану, дошел до границы Персидского царства, реки Яксарта (Сыр-Дарья), где основал Александрию Крайнюю (на месте современного Ленинакана), и даже перешел Яксарт и навел страх на угрожавших ему «скифов».

Больше всего трудностей доставили Александру Бактрия и Согдиана, на покорение которых он потратил два года. Свободолюбивые народы Средней Азии, несмотря на военное превосходство Александра, упорно боролись под предводительством Спитамена за свою свободу и независимость. В то время как древнейшие политические и культурные центры Востока – Вавилон, Сузы, Экбатана и др. – без боя сдавались завоевателю, военная демократия в областях Средней Азии дорожила своей свободой и боролась за нее³⁶. В Бактрии он захватил Бесса, провозгласившего себя царем под именем Артаксеркса, изувечил и казнил его. В 327 г. кампания была закончена. Александр, оставив Согдиану, возвратился в Бактрию, где начал готовиться к новому грандиозному походу – в Индию.

Пребывание Александра в восточных сатрапиях ознаменовалось рядом событий, свидетельствовавших о нарастании оппозиции против него в его македонском окружении. Источники сообщают о частых разногласиях между Александром и его ближайшим помощником, опытным полководцем Парменионом. В этих сообщениях, возможно, имеется элемент чисто литературного приема: мудрому, осторожному, опытному и преданному, но консервативному Пармениону противопоставляется пылкий, даже безрассудный, но талантливый и смелый, находчивый и решительный почти юноша, опрокидывающий все трезвые расчеты своего ментора. Парменион при Гранике советует Александру отложить атаку на день, Александр немедленно обрушивает удар на персов и одерживает победу. Парменион советует Александру прежде всего сокрушить превосходство персов на море и создать свой мощный флот. Александр решает с суши завоевать приморские города и успешно решает эту задачу. Парменион предлагает принять выгодные условия мира, предложенные Дарием; Александр отвергает их и оказывается прав. По мере того как могущество Александра возрастает, а его планы становятся все грандиознее, он все больше тяготеет к опеке Пармениона; он дает ему ответственный

³⁶ См. Б. Г р и г о р ь е в. Поход Александра Великого в Западный Туркестан, ЖМНП, IX–X, 1881; К. Т р е в е р. Александр Македонский в Согде, ВИ, № 5, 1947.

ные поручения, но вдали от себя. Однако сын Пармениона, Филота, оставался одним из ближайших друзей Александра и командовал конницей гетэров.

И вот во время пребывания Александра в Дрангиане Филота был арестован по обвинению в соучастии в заговоре против царя. Трудно сказать, действительно ли Филота был причастен к заговору или его вина заключалась лишь в недонесении. Но само существование заговора не подлежит сомнению и свидетельствует о серьезной оппозиции в македонском окружении Александра. Филота был представлен на суд войска, которое признало его виновным и приговорило к смерти (330 г.). Были казнены и другие участники заговора. Парменион находился тогда в Экбатане; прежде чем могла дойти до него весть об участии сына, Александр прислал туда гонцов к военачальникам Мидии и приказал убить Пармениона. Старейший и виднейший соратник Филиппа и Александра погиб, таким образом, от руки своего питомца. Скорее всего, решаясь на такой шаг, который должен был произвести на македонцев тяжелое впечатление, Александр, вероятно, руководился опасением мести со стороны Пармениона за смерть сына, но возможно, что он подозревал в Парменионе вожака оппозиции или во всяком случае видел в нем человека, способного стать когда-нибудь вдохновителем и знаменосцем движения против царя.

Другой «эпизод», происшедший в 228 г., дает несколько более ясное представление о причинах недовольства македонской знати. Александр и его двор находились тогда в Мараканде (Самарканде), где проводили время в пирах и попойках. Во время одной из таких попоек произошла ссора между Александром и одним из его приближенных друзей, спасшим ему жизнь при Гранике, – Клитом. У Клита не было оснований для личного недовольства царем; он занимал – вместе с Гефестионом – должность начальника гетэров после казни Филоты и был в хороших и близких отношениях с Александром; поэтому упреки, какие Клит сделал на пиру Александру (а он упрекал царя в отходе от македонских традиций, в восточных новшествах, в том, что тот приближает к себе варваров и рабов, в тиранических замашках), отражали настроение не одного Клита, а группы македонской знати. В гневе Александр стал кричать о мятеже и велел объявить тревогу; Птолемею удалось увести возбужденного вином Клита из пиршественного зала. Но Клит вернулся в другие двери, и разъяренный Александр, выхватив из рук телохранителя копье, поразил Клита насмерть. Вид простертого тела бывшего друга протрезвил Александра; он всячески выражал свое отчаяние, даже пытался покончить с собой; но окружающие, в частности философ Анаксарх, успокоили его, и он примирился с фактом. Вряд ли, впрочем, раскаяние Александра было искренним, если вспомнить, как он поступил с Парменионом.

Вскоре после убийства Клита произошел новый «эпизод», отражающий то же противоречие между Александром и македонской знатью. Овладев царством Ахеменидов, став их наследником и преемником, Александр ввел и восточный придворный этикет, в частности проскинезу – коленопреклонение перед царем. Это прямое выражение рабской покорности резко противоречило представлению греков об Александре как гегемоне и стратеге эллинов, совершавшим свои завоевания по их уполномочию и для них. Проскинеза означала наглядным, грубым образом, что Александр не покорил варваров эллинам, а покорил самих эллинов, низвел их на положение варваров. Против обязательности проскинезы для греков выступил придворный историограф, племянник и ученик Аристотеля, Каллисфен. Он был предан своему повелителю, и во всяком случае его «История Александра» представляет панегирик, изукрашенный всевозможными легендарными рассказами о подвигах и чудесах, которыми ознаменовалась деятельность Александра. Но как эллин и философ, он не желал мириться с проскинезой; пусть варвары падают ниц перед царем – эллину это не пристало. Александр вынужден был признать правоту Каллисфена, но затаил против него гнев и обиду. Поэтому, когда по

случайному поводу группа пажей³⁷ во главе с Ермолаем затеяла провалившийся заговор против жизни Александра, он припутал к этому делу Каллисфена. Как эллин Каллисфен не был подсуден македонскому войску, улики для судебного дела не было. Но Александр его арестовал и, продержав в заключении долгое время, распорядился распять на кресте уже во время индийского похода³⁸.

Расправа с Каллисфеном произвела на греков тяжелое впечатление. Теофраст посвятил ему особое сочинение, о котором упоминает Цицерон, – «Каллисфен или о печали». Но Александр отнюдь, по-видимому, не придавал серьезного значения оппозиции македонских знатных лиц или греков. Македонское войско, с которым он делил труды и опасности, по-прежнему было предано ему и готово было следовать за ним в его дальнейших походах. Александр мог еще опираться на него по-прежнему и продолжать выполнять свою программу созидания новой мировой монархии.

Индия манила Александра своими сказочными богатствами, романтикой покорения еще неизведанной страны чудес и прежде всего тем, что частично Индия (вернее, подступы к ней) входила некогда в состав царства Дария I. Вилькен³⁹ предполагает, что Александр стремился добраться до конца Земли – так как, по тогдашним географическим представлениям, Индия граничила с Океаном и была, следовательно, пределом Земли.

Александр заблаговременно стал готовиться к походу в Индию. Войско подверглось реформированию. За годы, протекшие со времени переправы через Геллеспонт, состав армии изменился. Греки были отосланы домой, оставались только наемники. Хотя Александр получал пополнения из Македонии, но необходимость оставлять гарнизоны во многих городах, а также колонизация городов на Востоке значительно снизили место и значение македонских отрядов в войске, тем более, что Македония не могла выставлять большие контингенты для далекого и трудного похода. Но и те македонские отряды, которые были у Александра, подверглись реорганизации; количество подразделений было увеличено, и они уже не соответствовали прежним делениям, основанным на племенных связях; из ополчения, представлявшего сколок с политической организации Македонии, где и после Филиппа сохранились сильные пережитки родовых отношений, македонское войско превращалось в единую армию царя Александра. Но еще важнее было то, что в войске Александра теперь было большое количество персов, мидян и других восточных народов. По сообщению Арриана («Индия», 19, 5), Александр «располагал 120 000 воинов, включая тех, кого он привел с собой из приморских областей, а также и тех, которые привели с собой посланные для набора войска; он вел с собой различные варварские племена, вооруженные каждое своим собственным типом оружия». Если даже считать, что в состав этих 120 000 входят и нестроевые части, это было все же громадное войско, какого Македония не могла выставить. В состав этой армии, наряду с македонцами и греками, входили и плененные незадолго до того народы Персидской державы. Уже тогда Александр ставил своей целью слияние всего войска в единое целое.

Летом 327 г. Александр выступил из Бактрии и прошел в Александрию Кавказскую (у Гиндукуша). Отсюда он направился к р. Инду; отправив часть войска под командованием Гефестиона и Пердикки вдоль южного берега Кофена, притока Инда, он сам выбрал более тяжелый путь вдоль северного берега, куда вплотную подходили горные отроги, пересеченные бурными потоками. Больших трудов и жестокой борьбы стоил Александру этот поход, давший немало поводов превознести подвиги Александра выше подвигов Геракла. Но он был необходим для защиты северного фланга всего войска; Александр провел эту операцию с обычной решительностью, покорил оказывавшие сопротивление племена и только весной 326 г. соеди-

³⁷ См. С. И. К о в а л е в. Заговор пажей, ВДИ, № 1, 1947.

³⁸ Так сообщает Птолемей; согласно Аристокле, Каллисфен умер в заключении.

³⁹ U. W i l k e n. Alexander..., стр. 163.

нился на берегу Инда с Гефестионом и Пердиккой, совершившими переход без всяких приключений и подготовившими переправу. Перейдя через Инд, Александр вступил в «страну чудес». Первая область Пенджаба – Таксила – перешла на сторону Александра; ее правитель еще до индийского похода вступил в дружеские отношения с Александром и затем предоставил ему военную помощь, в том числе 25 слонов. Но на восточном берегу Гидаспа, первого большого притока Инда, царь Пор собрал большое войско с большим количеством боевых слонов. Александр прибег к хитрости. Поставив часть войска на западном берегу против Пора и готовясь здесь будто бы переправиться на другой берег, он тайком с несколькими тысячами всадников и, вероятно, 10 000 пехоты поднялся вверх вдоль берега, обманул бдительность индийских разведчиков, перешел Гидасп и прямо с марша стремительно атаковал Пору. Это было самое кровопролитное сражение Александра. Пор был разбит и попал в плен. Александр оставил ему его царство, рассчитывая опереться на него для дальнейших завоеваний. В ознаменование победы Александр построил на обоих берегах Гидаспа два города – Никею и Букефалию (в честь погибшего в бою любимого коня Буцефала).

Продвинувшись дальше на восток, Александр вознамерился было перейти Гифасис, чтобы дойти до Ганга. Но здесь он наткнулся на упорное сопротивление войска. Уставшее от похода, боев, тропических ливней, не видевшее конца испытаниям, войско решительно отказалось идти дальше и потребовало возвращения домой. Александр был в ярости, но вынужден был уступить единодушному требованию своей армии. Возможно, впрочем, что ярость Александра была наиграна, что он сам видел необходимость положить предел дальнейшему продвижению поредевшего и ослабевшего войска в стране, где не только надо было ждать серьезного сопротивления могущественных врагов, но и сама природа ставила трудно одолимые препятствия. О трудностях, которые ждут его впереди, он получил подробную информацию от Пору и одного из местных царьков. То обстоятельство, что Александр заблаговременно начал строить флотилию на Гидаспе, говорит во всяком случае о том, что он допускал возможность скорого возвращения.

На берегу Гифасиса Александр возвел 12 алтарей высотой в 22 м, которые, по свидетельству позднего автора, Филострата, были посвящены: «моему отцу Амону, моему брату Гераклу, Афине Провидящей, Зевсу Олимпийскому, Кабирам Самофракийским, Гелиосу индийцев, моему брату Аполлону». На бронзовой колонне было отмечено: «Здесь остановился Александр». По Гидаспу и затем по Инду спускалась к Индийскому океану флотилия Александра, сопровождаемая вдоль обоих берегов многочисленным пешим и конным войском. Попутно Александр подчинял своей власти прилегающие области, встречая в некоторых случаях серьезное сопротивление; в одном из сражений он сам был тяжело ранен. Что Александр всерьез стремился закрепить за собой эти индийские области, свидетельствуют построенные им по пути три Александрии; у дельты Инда он укрепил город Патталу, рассчитывая, вероятно, отсюда открыть сообщение морем с западными областями. По рукаву дельты он выехал в открытое море, реализовав свою мечту дойти до океана.

Еще со среднего Инда он отправил часть войска под командованием Кратера через Арахозию, Дрангиану и Карманию. У устья Инда он разделил остаток войска между собой и Неархом; последнему он поручил проехать по неизведанному морскому пути к устью Евфрата, а затем вверх по реке. Неарх блестяще справился с порученным ему трудным и опасным поручением; в своей экспедиции он не только изучил путь из Индийского океана в Персидский залив, но и собрал много ценных научных сведений по астрономии, географии, ботанике, этнографии. Дневники Неарха использованы были Аррианом для его «Индии».

Что касается Александра, то он свою часть войска повел вдоль морского берега по Гедрозии, чтобы, во-первых, реально завладеть этой далекой юго-восточной окраиной своего царства и вместе с тем оказать в случае надобности поддержку Неарху. Это был суровый и тяжелый поход. Вот как описывает его Страбон (XV, 2, 6, 722): «Кроме недостатка в пище, они терпели

еще от солнечного жара, от глубокого и горячего песка... Солдаты, измученные солнечным жаром и жаждой, ложились среди дороги, вскоре после чего, как бы объятые лихорадкой и ужасом, умирали, дрожа всем телом в конвульсиях в руках и ногах. Иные, сбившись с дороги, утомленные трудом и недостатком сна, засыпали, а часть их, опоздав вследствие блуждания, терпя недостаток во всем, гибли; только немногие, несмотря на чрезвычайные трудности, спаслись. Множество людей и багажа затопил ночью низвергшийся на них поток».

Плутарх утверждает (Alex., 66), будто Александр привел из Индии меньше четверти своего войска. В начале 324 г. Александр соединился с отрядом Непарха. Возвращение было торжественно отпраздновано. Но предстояло много трудов и работ по организации государства, налаживанию администрации, реализации идей, которые толкали Александра на все новые завоевания. Трехлетнее отсутствие Александра способствовало развитию центробежных сил. Пользуясь отсутствием Александра, некоторые сатрапы вели себя как самостоятельные монархи, а в Бактрии начальник греческих наемников прямо объявил себя царем. Сатрапы наживали огромные богатства за счет населения и в ущерб казне. Гарпал, оставленный в Экбатане охранять дариеву казну, зажил в Вавилоне магнатом, растрачивая царскую казну на безумную роскошь. Александр жестоко расправился с провинившимися, предав их позорной казни; только Гарпалу удалось с 5000 талантов и 6000 наемников бежать в Грецию, где он временно оказался вне власти Александра.

Урегулировав все эти дела и организовав управление Востоком, Александр мог обратиться к другим проблемам, которые постоянно его занимали. Еще во время индийского похода македонский наместник во Фракии – Зопирион – предпринял поход за Дунай. Белох⁴⁰, ссылаясь на Арриана (IV, 15), предполагает, что поход был предпринят по указанию Александра, чтобы установить связь с Бактрией; при тогдашних превратных географических познаниях это представлялось возможным. Зопирион дошел до устья Днепра, безуспешно осаждал Ольвию и, наконец, был разгромлен скифами, перебившими все его войско и убившими его самого. Это привело к всеобщему восстанию во Фракии, доставившему Антипатру немало забот и хлопот. Александру, таким образом, представился удобный повод сместить Антипатра, представителя старых традиций, не соответствовавших больше новой обстановке; к тому же за десять лет самостоятельного управления Македонией и Грецией Антипатр приобрел слишком независимое положение. Антипатр должен был привести к царю новые пополнения. На его место был назначен Кратер.

По некоторым данным можно думать, что Александр в это время делает нажим на Грецию, чтобы включить ее как органическую часть в свою державу. Вместе с эллинизацией Востока, в первую очередь путем основания новых городов эллинистического типа и устройства греко-македонских колоний, шел процесс ориентализации Запада. Само образование монархии, включавшей и Элладу, означало резкий перелом в политической жизни и в политическом сознании греков. Но Александр принимал ряд мер к прямому смешению греков и македонцев с восточными народами, к устранению узости и ограниченности представлений греков о «варварах». Назначение варваров на посты сатрапов, включение Оксиарта, брата Дария, в ряды гетэров, введение восточного церемониала в придворный этикет и быт (восточное одяние царя, гарем, проскинеза) вызывало недовольство у консервативных сторонников македонской старины; но некоторые из приближенных царя, если, может быть, и не прониклись его идеями, во всяком случае следовали его примеру и указаниям. Так, Певкест, сатрап Персиды, совершенно иранизировался, что вызвало недовольство войска, но поощрение и награды со стороны Александра (Arr., VII, 6, 3).

Мы уже видели, что Александр по мере расширения своих военных операций сокращал (относительно) свои греко-македонские контингенты за счет привлечения в войско местных

⁴⁰ J. B e l o c h. Griechische Geschichte, IV, 1925, стр. 44.

войсковых частей. Но «варвары» служили не только в вспомогательных войсках, они включались в македонскую конницу, отдельные знатные персы – даже в агему, лейб-гвардию царя; а Арриан (VII, 23, 3) сообщает, что Александр подготовлял полное смешение македонцев и варваров путем включения последних в македонскую фалангу. Еще перед индийским походом Александр распорядился отобрать 30 000 юношей из восточных сатрапий и дать им македонское военное воспитание. Эти «эпигоны» уже находились в свите Александра, когда он праздновал в Сузах возвращение и воссоединение войск, участвовавших в индийском походе. Здесь же, в Сузах он провел церемонию, которая должна была служить как бы символом слияния победителей и побежденных в один народ. Еще до индийского похода Александр женился на Роксане, племяннице Дария; хотя это был брак по любви, но он не мог не быть воспринят также как акт политический. В Сузах Александр организовал в один день массовые браки между македонцами и персами. Он первый подал пример, женившись на старшей дочери Дария, младшая стала женой его любимого друга, Гепестиона; все ближайшие друзья царя – Кратер, Селевк, Эвмен, Пердикка, Птолемей и др. – также женились на знатных персиянках. Брак Селевка с Апамой, дочерью Спитамена, упорного защитника Согдианы и Бактрии от Александра, оказался прочным на всю жизнь. Восемьдесят гетэров, 10 000 солдат заключили в тот день (февраль 324 г.) браки с местными женщинами, и все были щедро одарены царем. Для всех был устроен роскошный брачный пир, на котором выступали лучшие представители искусства.

Политика Александра, естественно, усилила оппозицию не только в Греции, реально утратившей свою свободу, но и среди македонцев. Ведь еще и после Филиппа остались живы пережитки родовых отношений; родовая знать Македонии, страны экономически отсталой, не была заинтересована в создании некоего широкого экономического единства, что представляло жизненную необходимость для Греции и наиболее развитых областей Востока. Гетэры и «друзья» в сущности были еще дружинниками, «товарищами» царя как первого среди равных, и поход на Восток был для них походом за славой, за добычей, которой можно потом наслаждаться дома. Александр, пишет Арриан (VII, 11, 9), молился об «единомыслии и соучастии во власти (ὁμόνοιάν τε καὶ κοινωσίαν τῆς ἀρχῆς) македонян и персов»; но македоняне несколько не были заинтересованы в κοινωσία. Им чужды были мечты Александра; его политика слияния греков, македонян и варваров означала для них умаление их привилегий и превращение их в таких же подданных царя, какими были покоренные восточные народы. Конечно, приближенные Александра получали громадные материальные выгоды, ради которых они поступались своими групповыми интересами и забывали их. Но были, очевидно, и непримиримые, из среды которых исходили заговоры против царя.

Однако и рядовые солдаты должны были тяготиться не только длительностью походов, оторвавших их на долгие годы от семьи, от привычного труда, от родной земли; предпочтение, которое, как им казалось, Александр отдавал эпигонам, варварам, должно было оскорблять их самолюбие; в конце концов непрофессиональное войско невозможно держать в повиновении неопределенное время, если война не получает в глазах солдат некоторого идеологического оправдания. Поэтому неудивительно, что недовольство солдат тяготами войны, которое раньше подавлялось в зародыше выступлением царя или его полководцев, приняло форму открытого мятежа.

В 324 г. Александр в своих неутомимых разысканиях спустился к Персидскому заливу и затем поднялся вверх по Тигру. Остановившись в городе Описе, он объявил об отставке и отпуске на родину ветеранов, непригодных уже для несения военной службы; уходящим домой было обещано щедрое вознаграждение за понесенные военные труды. Но на это предложение македонское войско ответило единодушным отказом. Это был бунт. Войско усмотрело здесь желание заменить македонское войско персами; по всей вероятности, в этом была доля правды; Александр уже давно отослал греческие отряды, теперь он пожелал уменьшить число маке-

донцев, несколько стеснявших его как единодержавного владыку. По адресу царя стали раздаваться оскорбительные возгласы. Александр велел верным гипаспистам схватить 13 «зачинщиков», которые тут же были казнены. В ближайшие два дня он стал формировать персидское войско по образцу македонского, отказавшись от услуг македонских частей. Тогда македонцы запросили прощения. Царь милостиво простил их, и примирение было торжественно отпраздновано. 10 000 македонцев были выделены для возвращения на родину. Их должен был сопровождать Кратер, которому предстояло сменить Антипатра.

Из Описа Александр отправился в Экбатану, где умер его ближайший друг Гефестион. По указанию оракула Амона, Александр решает воздать покойному божеские почести и поручает Клеомену воздвигнуть Гефестиону роскошный храм-усыпальницу. Из Экбатаны Александр весной 323 г. переехал в Вавилон, центр созданной им державы. Сюда со всех концов света прибывали посольства и делегации с просьбами и с выражениями почтения и преданности. Есть сообщения, что в Вавилон явились представители также кельтов, западных скифов, карфагенян, этрусков, даже римлян⁴¹. Греческие полисы прислали феоров, увенчанных цветами, каких отряжали на праздничные церемонии в честь богов (Arr., VII, 23). В позднейшей литературе имеются указания, будто Александр потребовал от греков божеских почестей. Известен анекдот, будто Александр потребовал, чтобы греки приняли постановление об объявлении его богом, на что афинский оратор Демад заявил: «Предоставим Александру, если ему этого хочется, называться богом» (Plut., Apoph., Lac. 219)⁴². Невероятно, чтобы Александр действительно выставил прямо такое требование, но греки в данном случае, очевидно, шли навстречу его желанию.

Вопросу об обожествлении Александра посвящена большая литература. Были высказаны различные мнения относительно того, верил ли сам Александр в свою божественность, было ли это таким же восточным заимствованием, как и весь придворный церемониал, или здесь были особые политические цели; было ли признание божественности Александра лицемерным выражением раболепия или проявлением искренней веры. Вопрос о том, в какой мере Александр сам верил в свою божественную миссию и в свою собственную божественность представляет известный интерес только для психологической характеристики образа Александра. С точки зрения исторической важно установить, каков был объективный смысл идеи божественности Александра, каковы ее источники. Мировая держава, созданная Александром, должна была получить также идеологическое оформление, в тогдашних условиях – религиозное. Правда, тогда еще не было условий для создания единой религии для всех народов, населявших государство Александра; об этом не было и речи. Но культ Александра мог в некоторой степени не только дать религиозную санкцию власти царя, но и объединить всех его подданных на почве этого общего для всех культа. Деяния Александра оправдывали в глазах его современников возникновение его культа. Здесь не было надобности извлекать соответствующие идеи из практики народов Востока. Только в Египте обожествление царя было исконным установлением, которое было перенесено на Александра как преемника фараонов. Ахемениды не были богами, и в Персии обожествление Александра было явлением новым, скорее греческим, чем восточным. У греков, как известно, религия была культом их собственного народа, собственного государства, и создание нового типа эллинского государства могло найти свое отражение в культе создателя и главы этого государства. И раньше греки обожествляли создателя и устроителей полисов (κτίσταί, οἰκιστάί); героизация, обожествление после смерти прославившихся людей были обычным явлением. Но не только покойники, и живые люди и до и после Александра присваивали себе божественные атрибуты и получали божеские почести; Плутарх

⁴¹ См., впрочем, J. K a e r s t, цит. соч., стр. 509, прим. 2.

⁴² Плутарх приводит и другой анекдот: когда оратор Пифей собирался против Александра, кто-то ему заметил, что в его возрасте нечего ему вмешиваться в столь важное дело. Пифей ответил: «А ведь Александр, которому вы декретируете божеские почести, моложе меня» (Reg. et imper. apoph. Pythaeae).

называет ряд таких людей (de fort. Alex., II, 5, 338). Поэтому не было ничего противоестественного в том, что афинское народное собрание, как сообщают современники, ораторы Динарх и Гиперид, вотировало божеские почести Александру и что Демосфен подал свой голос за этот декрет. Обожествление Александра, поскольку оно было выражением его сознательной воли, вполне соответствовало его программе создания мировой монархии; а поскольку в нем сочетались элементы египетских религиозных представлений с эллинскими верованиями и Александр мыслился как сын Амона и брат Аполлона, здесь проявилось то же «смещение нравов и быта», которое, по Плутарху, характеризует деятельность Александра и в действительности представляло сущность его деятельности.

Александр не успокаивался на достигнутых успехах. Его не оставляет *λόθος*, тоска, страстная мечта о новом, неизведанном, неутомимые поиски новых путей расширения государства. Трудно сказать, какая доля истины содержится в сообщениях Диодора (XVIII, 4, 3–6), основывающегося на найденных в делах Александра *ὑπομνήματα*, о широких планах Александра на Западе; речь шла об экспедиции против Карфагена, об исследовании Геракловых столпов, о завоевании Италии и Сицилии. Но достоверно известно из сообщений Арриана, что Александр поручил Гераклиду построить флот и разведать Каспийское море, а Непарх совершил рекогносцировку вдоль берега Аравии. Для более серьезной экспедиции вокруг Аравийского полуострова от Персидского залива до Синайского полуострова Александр распорядился построить громадный флот – частью в Финикии, частью в Вавилоне, где для этой цели были сооружены большой порт и верфи.

Во время подготовки экспедиции Александр заболел в Вавилоне. Арриан и Плутарх сохранили нам подробные – день за днем – данные эфемерид о ходе болезни Александра. Он крепился, перемогался, продолжал заниматься делами, но состояние его с каждым днем ухудшалось. На десятый день встревоженные ветераны добились допуска в покой, где лежал их умирающий полководец; они продефилировали перед ним, молчаливо прощаясь с уже находившимся в бессознательном состоянии Александром. На следующий день, 13 июня 323 г. Александр умер в расцвете сил, не достигнув еще 33 лет от роду.

После своей смерти Александр стал героем исторических и литературных преданий многих народов. Псевдокаллистенский роман «Александр» больше чем в восьмидесяти вариантах на 24 языках обошел весь мир. Легенды о нем вплетались в фольклор самых отдаленных друг от друга народов – в Абиссинии, Средней Азии и Китае, в Исландии и в Индии⁴³. Это объясняется не только грандиозностью его державы, но и романтичностью его походов, поразительными победами, молодостью и трагической судьбой Александра.

Держава Александра распалась после его смерти. В его планах и начинаниях был элемент утопии, но тем не менее его деятельность соответствовала объективным задачам, выдвигавшимся перед Грецией и Востоком кризисом всей системы общественных отношений.

Задача состояла в том, чтобы поднять экономику путем расширения связей между отдельными странами: путем развития производительных сил, в результате создания более сложной системы общественного разделения труда, расширения сферы применения труда рабов, словом – повторить на расширенной основе, на высшем этапе тот путь развития, который на предшествующем этапе завел в тупик и Элладу и Восток целиком. Эта задача не была полностью разрешена в рамках рабовладельческого общества. Но уже при Александре наметились те пути, по которым Средиземноморский Восток должен был идти, чтобы хотя на время и частично преодолеть кризис.

Александр попытался создать единую мировую державу; она не устояла и не могла устоять, ибо достаточных экономических и политических предпосылок для этого не было; слишком велики были различия между объединенными в одно целое странами. Но к прежнему

⁴³ Е. Б е р т е л ь с. Роман об Александре, М.–Л., 1949. Р е д.

возврата не было. Монархия распалась, но распалась на крупные части, сами представлявшие обширные объединения. Греческие полисы продолжали существовать в Элладе, но они не вернулись к прежней автаркии, а на Востоке полисы служили лишь формой втягивания Востока в новую, эллинистическую систему государственности, они стали центрами единой экономики и единой культуры. Вместе с тем рухнула и восточная деспотия и поколеблены были устои, на которых она держалась, – сельская община, слабое развитие рабства, рутинная техника производства.

Созданные Александром новые города не все оказались жизнеспособными. Но уже тот факт, что некоторые из них стали крупными экономическими центрами и сохранились до нашего времени, показывает, что это была дальновидная политика, и преемники Александра с успехом ее продолжали. Эти новые города греческого типа, даже чисто военные колонии, заселенные ветеранами, были не только военной опорой Александра в завоеванных странах, но и ячейками, вокруг которых кристаллизовались элементы более высокой экономики. Создавались очаги иной культуры, с новыми запросами и требованиями, стимулировавшими производство и в метрополии (для снабжения колоний товарами) и на местах. Этому сопутствовало расширение денежного хозяйства. Огромные ценности, лежавшие в качестве сокровищ в казне Дария, были пущены в оборот, возросший благодаря расширению производства. При этом Александром была введена единая (золотая и серебряная) монета по аттическому стандарту; это не только было выражением высшего суверенитета Александра, но содействовало также оживлению и облегчению торговых операций.

Громадное значение для всего последующего времени имели географические открытия и изыскания Александра, улучшение дорог, судоходства, прокладка новых путей сообщения; все это значительно раздвинуло рамки тогдашнего мира и позволило расширить экономические и торговые связи.

Греческий язык и греческая культура в результате походов Александра проникли далеко на Восток, даже туда, где власть Александра не утвердилась, – в Индию, в Армению. Тарн⁴⁴ высказывает даже мнение, что царство Ашоки в Индии и распространение там буддизма стали возможны благодаря Александру. С другой стороны, восточная культура, наука, производственный опыт, особенно в отраслях хозяйства, не известных грекам, оказали влияние на греков. Особенно отчетливо влияние Востока сказывается в религиозных представлениях.

Расширение географических, этнографических, естественнонаучных познаний эллинов дало мощный толчок развитию греческой науки, расцвет которой относится к периоду после Аристотеля. В результате походов Александра во всех странах, вошедших в состав его державы, создается единство производственной техники, единство военного дела и вооружений и, поскольку речь идет о греках и о народах, усвоивших греческий язык, – единство языка (κοινή).

Понятно, что и в политической, и в экономической, и в духовной сфере реальные достижения Александра означали лишь попытки, иногда только намеки на создание действительного политического, экономического и культурного единства. Проводниками его были на Востоке эллинские и эллинизированные города; они втягивали и отсталые области в сферу своего влияния, но в глубь азиатской *χώρα* не проникали даже войска Александра. Созданное им объединение было поверхностным; его только еще предстояло укрепить и упрочить.

А между тем продолжали действовать и силы, направленные к расторжению этого объединения. Неравномерность социально-экономического развития различных частей государства Александра, пережитки примитивных отношений в самой Македонии, веками утвердившиеся идеи независимости и автаркии греческих полисов, прочно державшееся убеждение в невозможности равенства между господами и рабами, эллинами и варварами, а на Востоке также религиозные предрассудки и теократические учреждения – все это противодействовало

⁴⁴ САН, VI, 434.

развертыванию и реализации тех тенденций, которые проявились в деятельности Александра и были обусловлены всем предшествующим историческим развитием. Возможно поэтому, что если бы Александр не умер так рано, ему самому пришлось бы стать свидетелем крушения своих грандиозных планов. Преждевременная смерть Александра лишь ускорила развитие событий, и начатое им дело хотя было продолжено, но в более скромных размерах, в соответствии с реальными возможностями, применительно к конкретному соотношению сил в различных частях бывшей монархии Александра. При этом преемники Александра ставили перед собой нередко узкие, частные задачи; но объективно ими все же выполнялись отчасти те же задачи, какие намечены были уже Александром Македонским, походы которого были важной гранью в развитии античного мира.

Глава III

Войны диадохов и возникновение эллинистических государств

После смерти Александра сразу обнаружилась непрочность созданной им великой державы, для которой не было достаточных экономических и политических предпосылок. Экономическую основу завоеваний Александра составляли потребности не столько производства, сколько торгового оборота. На громадной территории нового царства не могла создаться единая экономика, основанная на общественном разделении труда, включающая в свою систему все слои населения. Пестрый конгломерат народов, объединенных в царстве Александра, мог использовать создавшееся единство только для развития торговли; поэтому торговые города, а в этих городах богатые слои общества, могли быть заинтересованы в сохранении этого единства. Народные массы оставались пассивными и вряд ли были склонны бороться за сохранение державы Александра. Понадобилось сорок лет, жизнь целого поколения, чтобы на месте громадного, но не сцементированного, лишь поверхностно объединенного мирового государства образовались менее крупные, зато более устойчивые монархии, где именно благодаря их не столь грандиозным масштабам стала возможной и большая степень экономического единства. Широкие замыслы Александра не были осуществлены, но они указали путь следующему поколению, и в муках войн диадохов, преемников Александра, родились эллинистические государства Селевкидов, Птолемеев, Антигонидов, эллинистическая культура, новые формы рабовладельческой экономики.

Александр не успел создать и прочных политических форм нового типа государства. Не было создано крепкого аппарата управления, который мог бы продолжать автоматически действовать и после смерти Александра. Македония, «свободная» Эллада, эллинистические вольные города Азии, греко-македонские колонии, восточные сатрапии, храмовые территории и иерократии, полуварварские и варварские племена, управляемые своими племенными вождями и династами, – все эти разнохарактерные области и территории находились как бы в личной унии под властью Александра, не составляли органической части единого целого; это единое целое было только намечено.

Вполне естественно, что после смерти Александра проявились противоречия между разнородными элементами, в совокупности своей составлявшими при жизни Александра его государственную организацию.

История периода диадохов, сложная и запутанная, недостаточно освещена в источниках. Для этого времени наука не располагает таким первоклассным источником, каким для периода Александра являются труды Арриана, написанные хотя почти через пятьсот лет после Александра, но по хорошим источникам и с большим знанием дела. Арриан написал также историю событий после Александра (до 320 г.) в 10 книгах, но от нее дошли только незначительные остатки. Высоко ценилась в древности история диадохов, написанная современником и участником событий Иеронимом из Кардии, но его сочинение не сохранилось. Не дошло до нас и произведение другого современника, Дурида, тирана Самосского; его «История» в 27 книгах, доведенная до 281 г., была ниже по своей исторической ценности, чем труд Иеронима; в ней больше было элементов риторики и занимательного рассказа; именно потому она пользовалась большой популярностью. Таким образом, в основном приходится пользоваться трудами поздних писателей: Диодора в книгах 18–20 его «Библиотеки» (до 302 г.), Трога Помпея в пересказе Юстина (до Пирра), биографиями Плутарха (Фокион, Эвмен, Деметрий, Пирр) и Корнелия Непота (Эвмен). Все эти произведения восходят к Иерониму из Кардии и Дуриду, но большей частью через вторые-третьи руки. Материал источников непрерывно пополняется

эпиграфическими данными; их для этого бурного периода пока недостаточно, но все же они вносят существенные коррективы и дополнения к литературным данным.

Неожиданная смерть Александра поставила вопрос не только о преемнике власти умершего, но и о характере этой власти. Тенденция к децентрализации державы Александра проявилась уже во время индийского похода, когда некоторые сатрапы пытались использовать отсутствие царя, чтобы повести самостоятельную политику. Александр по возвращении из Индии сурово расправился с ними, но после его смерти центробежные силы должны были усилиться. Главная опора Александра, македонское войско, в большинстве – крестьяне, не было заинтересовано в осуществлении его широких замыслов. Оно оставалось македонским, и это обстоятельство вызвало, как мы видели, серьезный конфликт между ним и Александром, пытавшимся создать войско нового типа, привлекая в него «варваров» Востока. Поэтому пешее войско считало необходимым сохранить трон Македонии за домом Филиппа и настаивало на провозглашении царем слабоумного Арридея, сына Филиппа II; напротив, македонская знать, служившая в коннице Александра, предлагала выждать, пока Роксана, ожидавшая ребенка, родит, и если это будет сын, сделать его наследником власти царя. Сторонники этого предложения руководились неодинаковыми целями; как показали последующие события, некоторые из сподвижников Александра хотели таким путем сохранить державу Александра и продолжить его дело; другие видели в отсрочке решения вопроса о престолонаследии средство осуществить свои личные честолюбивые планы – создать себе независимые владения.

В конце концов было достигнуто соглашение. Арридей, принявший имя Филиппа (III), и будущий сын Александра должны были унаследовать царство сообща. Когда вскоре Роксана родила сына, он и стал царем под именем Александра IV. Конечно, власть и Филиппа Арридея и Александра IV была номинальной. Для фактического управления государством необходимо было назначить регента. В источниках нет полной ясности относительно организации регентства. По Арриану, верховное руководство царством (*προστασία τῆς βασιλείας*) было поручено популярному полководцу Кратеру, военное командование возложено на Пердикку. Диодор (XVIII, 2–3) называет Пердикку *ἐπιμελητῆς τῆς βασιλείας*, которому было поручено «руководство всем» (*ἢ τῶν ὅλων ἡγεμονία*). Это расхождение в источниках надо объяснить тем, что Кратер не мог вступить в исполнение своих обязанностей, так как находился в то время в пути, направляясь во главе отпущенных Александром 10 000 ветеранов в Македонию, где должен был сменить Антипатра. Таким образом, фактически власть оказалась в руках хилиарха Пердикки.

На том же совещании в Вавилоне, где был решен вопрос о власти, были распределены и сатрапии. Большинство сатрапов Александра сохранило свои должности. Антипатр остался в Европе с титулом *στρατηγὸς αὐτοκράτωρ*, Антигон получил Фригию, Ликию и Памфилию, Птолемей – Египет, Лисимах – Фракию и Понт, Леоннат – Геллеспонтскую Фригию. Секретарь Александра грек Эвмен получил не завоеванную пока Александром Каппадокию и Пафлагонию, Пифон – Мидию.

Руководители государства были люди самые различные по характеру, воспитанию, образу мыслей. Пердикка был человек ограниченный и слишком прямолинейный для обстановки, требовавшей гибкости и умения маневрировать среди противоречивых интересов. Птолемей – уравновешенный политик, настойчивый в проведении своих планов, но осторожный дипломат. Антипатр – ревностный служака, преданный дому Филиппа, ставивший интересы дела, которому служил, выше личных. Антигон не сразу проявил свои способности и таланты; это был политический деятель большого масштаба, с широким кругозором, сумевший впоследствии выдвинуться на первое место среди диадохов. Эвмен – единственный не-македонец среди диадохов – изображается в источниках энергичным, находчивым, блестящим стратегом, неуклонно преследовавшим одну цель – сохранить целостность созданного Александром государства. Но эти столь разные люди, преследовавшие часто личные цели, руководивши-

еся собственным честолюбием, ставившие себе порой весьма ограниченные местные задачи, в конечном счете делали одно и то же дело. Сначала под флагом борьбы за устройство державы Александра, затем под собственным знаменем, во имя создания собственных государств, диადохи осуществляли – ошупью, ценой многочисленных человеческих жизней и растраты больших материальных средств – поставленную жизнью задачу: на основе наследия Александра создать не столь крупные, но более устойчивые государственные объединения, больше соответствующие реальным экономическим условиям, способные поддержать пришедшее в упадок рабовладельческое общество, развить его экономику и культуру.

В начале своей кратковременной карьеры Пердикка должен был принять меры к подавлению попыток эллинов освободиться из-под власти Македонии. В Бактрии подняли восстание греческие войска численностью в 20 000 человек пехоты и 3000 конницы. Против них был направлен сатрап Мидии Пифон. Повстанцы были разбиты и большей частью уничтожены (Diod., XVIII, 7). При известии о смерти Александра Родос изгнал македонский гарнизон и объявил себя независимым.

Серьезные события произошли в материковой Греции. Недовольство здесь усилилось после указа Александра о возвращении изгнанников. Для Афин это означало потерю острова Самоса, где с 368 г. утвердились афинские клерухи на земле изгнанных. Для Этолии осуществление указа Александра означало потерю владений в Акарнании. Но ни Афины, ни Этолия не рискнули при жизни Александра оказать неповиновение и лишь старались оттянуть и выиграть время. Даже когда Афинам представилась заманчивая возможность начать борьбу за освобождение, они ее отклонили. Когда Гарпал, казначей Александра, растратив царскую казну, бежал от гнева царя, он прибыл в Афины, имея в своем распоряжении 30 кораблей и 6000 человек войска. Он предложил восстать против Македонии, но Афины не рискнули на такой шаг; в конце концов афиняне даже задержали Гарпала, хотя и не выдали его македонцам, и наложили арест на его деньги. Гарпалу удалось бежать (он вскоре погиб), и тут обнаружилось, что вместо 700 талантов, которые, по словам Гарпала, он привез в Афины, в казне оказалось только 350. Возникло обвинение против Демосфена и Демада в подкупе. Обвинителем выступил Гиперид. Обвиняемые не могли дать удовлетворительные объяснения и были приговорены к штрафу в 50 талантов. Демад, по-видимому, штраф уплатил, так как он остался в Афинах. Демосфен предпочел уйти в изгнание, сначала на Эгину, затем в Трезену. Таким образом, Афины сохранили лояльность по отношению к Александру.

Но как только в Афины дошла весть о смерти Александра, афинские демократические группы потребовали немедленного объявления войны. Представители плутократии, Фокион и Демад, противились восстанию, но верх одержали демократические слои, которым господство Македонии, укреплявшее позиции богатых, приносило лишь усиление гнета. В распоряжении Афин оставались деньги Гарпала; свои услуги предложил предводитель наемников Леосфен с восьмитысячным войском. Он и стал военным руководителем восстания.

Одновременно выступила Этолия, к которой присоединились также Фокида и Локрида; позднее к антимакедонскому движению примкнула и Фессалия, прославленная конница которой оказала большое влияние на военные успехи греков в возникшей войне.

Выступивший против эллинов Антипатр потерпел поражение и заперся в Ламии, где его подвергли осаде. Удача восстания привлекла многие другие полисы, в том числе пелопоннесские города Аргос и Коринф. Демосфен с триумфом был возвращен в Афины (штраф за него уплатила казна).

Первой неудачей эллинов была смерть Леосфена, случайно погибшего во время вылазки осажденных в Ламии. Война осложнилась, когда на выручку Антипатру явился сатрап Гелеспонтской Фригии Леоннат. Пришлось снять осаду Ламии и выступить против нового противника. Эллины и здесь одержали победу, Леоннат погиб в бою. Но Антипатр соединился с остатком войска Леонната и стал, таким образом, грозной силой. Стало очевидно, что для

успеха восстания необходимо получить господство на море, чтобы не допустить прибытия к Антипатру новых подкреплений из Азии и Македонии. Но и Кратер понимал важность господства на море. Он мобилизовал громадный флот из 240 кораблей. Афиняне в свою очередь сумели собрать 180 кораблей. В сражении при острове Аморгосе македонцы одержали решительную победу над афинским флотом, и это предопределило исход войны. В Грецию к Антипатру прибыл с войском Кратер. В битве при Кранноне (август 322 г.) македонцы одержали победу; правда, эта победа не была полной, греки сохранили свое войско, но стало ясно, что дальнейшая борьба невозможна.

Полисы один за другим стали покидать ряды восставших, и коалиция распалась. В Афинах снова пришли к власти Фокион и Демад, вступившие в переговоры с Антипатром. Победитель на этот раз не стал церемониться с Афинами. В городе была установлена олигархия во главе с Фокионом; был установлен ценз в 2000 драхм, лишивший беднейшее население политических прав. В Пирее на Мунихии был поставлен македонский гарнизон. Вожди демократии были подвергнуты казням или изгнаны. Гиперид был казнен, приговоренному к смерти Демосфену дали возможность бежать; чтобы не отдаться в руки врагов, Демосфен, укрывшийся в храме Посейдона в Калаврее, покончил самоубийством (октябрь 322 г.). Афинянам пришлось оставить остров Самос. Антипатр двинулся затем против Этолии; не имея сил сопротивляться, этолийцы ушли в горы. Дальнейшие репрессии против греков были приостановлены, так как Антипатра и Кратера отвлекла начавшаяся в Азии борьба между диадохами.

Хотя на совещании в Вавилоне все македонские руководители согласились на признание Филиппа Арридея и младенца Александра (тогда еще не родившегося) наследниками царя Александра, идея единой мировой державы, если она и возникала у наиболее честолюбивых диадочов, рисовалась им как их собственная; достигнутый в Вавилоне компромисс давал лишь время (поскольку царей никто не принимал всерьез) для вызревания замыслов диадочов. Только Пердикка, державший царей при себе, Антипатр и Эвмен сохранили верность династии и стремились сохранить державу Александра. Это, конечно, не могло быть по душе другим диадохам, мечтавшим о создании собственных государств.

Пердикка действовал решительно и последовательно (даже чересчур последовательно), не считаясь с настроениями своих коллег. Он завершил незаконченное Александром завоевание Малой Азии, покорив Каппадокию; властителя страны Ариарата он повесил и вручил управление ею Эвмену. Уже в этой первой крупной операции проявилась фиктивность власти царей, от имени которых действовал Пердикка. Антигон, которому первоначально Пердикка поручил поход в Каппадокию, отказался исполнить его распоряжение, а Леоннат, к которому затем обратился Пердикка, предпочел переправиться в Грецию на помощь осажденному Антипатру и там нашел свою гибель. Когда Пердикка потребовал Антигона к ответу, тот уехал в Македонию к Антипатру. Птолемей в Египте также повел себя независимо. Клеомена, финансового управителя Египта, поставленного на этот пост Александром, он казнил. Он захватил тело Александра и отказался выдать его для погребения в Македонии. Пердикка решил наказать ослушника и предпринял поход в Египет, оказавшийся неудачным и повлекший значительные потери в войске при попытке переправы через Нил. Используя недовольство войска, сатрапы и военачальники, шедшие с Пердиккой, в том числе Пифон и тогда еще занимавший второстепенное место Селевк, убили Пердикку в его палатке (июль 321 г.). Его войско под предводительством Пифона вернулось в Азию. Тем временем Эвмен, соратник и единомышленник Пердикки, нанес поражение Кратеру, выступившему против него из Македонии; сам Кратер погиб.

При создавшемся положении полководцы снова собрались в Трипарадесе в Сирии. Антипатру, управителю Европы, было вручено регентство. Антигон получил звание *στρατηγὸς αὐτοκράτωρ* Азии. Селевк получил Вавилонскую сатрапию и вступил, таким образом, как равноправный партнер в разгоревшуюся борьбу диадочов.

Ближайшая задача их состояла в том, чтобы сокрушить Эвмена, оставшегося верным идее сохранения державы Александра. Кампания против Эвмена была поручена Антигону. Ему удалось разбить Эвмена и осадить его в Наре на границе Каппадокии и Ликаонии; после годичной осады, красочно описанной Плутархом в биографии Эвмена, ему пришлось бежать оттуда с горстью людей. Но в это время наступила перемена. В 319 г. умер Антипатр; для этого ревностного служаки характерно, что свой пост он завещал, в обход своего сына Кассандра, Полиперхонту, стороннику сохранения единства государства. Регент оказался, таким образом, на стороне Эвмена, который сумел благодаря этому заполучить часть казны, вывезенной в свое время из Суз в Киинду (в Киликии); на его сторону перешла отборная македонская пехота аргираспидов («серебряные щиты»); в 318 г. он начал строить в Финикии свой флот. С другой стороны, обиженный Кассандр вступил в союз с Антигоном против Полиперхонта, которого поддерживала пользовавшаяся влиянием Олимпиада, мать Александра.

Перипетии борьбы Эвмена против возглавляемой Антигоном коалиции чрезвычайно типичны для войн диадохов. Если Птолемей стремился удержать за собой Египет, Антигон (на первых порах) – Азию, Селевк – Вавилонию, если Кассандр и Полиперхонт боролись между собой за власть над Македонией и Грецией, то Эвмен оказался в роли какого-то странствующего рыцаря, прошедшего с боями до Сузианы и Персиды, не имея никакой территории, которой он бы управлял, которую он должен был защищать, укреплять, расширять. Правда, он защищал идею единства государства; но в процессе борьбы эта идея стусебалась, тем более, что в 317 г. Олимпиада распорядилась убить Филиппа Арридея вместе с его женой Эвридикой, а вскоре (в 316 г.) сама Олимпиада была побита камнями по приказу Кассандра. Что касается Александра IV, то этот ребенок вместе с матерью Роксаной находился фактически в заключении, и когда Кассандр их впоследствии (в 311 г.) убил, это уже не имело политического значения.

Несмотря на свои необыкновенные таланты и даже благородные черты характера, Эвмен был в сущности искателем приключений, опиравшимся на поддержку случайных военных отрядов, которые он умел легко привлекать к себе из рядов своих соперников или сколачивать из населения тех мест, где он в данное время находился, но которые так же легко покидали его и переходили на сторону врагов. Трагический конец Эвмена дополняет безотрадную картину его беспредметных усилий, направленных к неопределенной цели и подчинявшихся беспринципным интересам и капризам своих солдат. Одержав победу над Антигоном в Габие, он погиб в результате предательства войска; чтобы получить обратно попавший в руки неприятеля обоз, где находились их семьи, награбленная добыча и имущество, аргираспиды выдали победителя Эвмена Антигону, который его казнил (316 г.).

В Греции борьба между Кассандром и Полиперхонтом продолжалась, но носила иной характер, чем войны в Азии, где местное население пассивно взирало на борьбу претендентов на власть и только страдало от военных тягот и разорения. Политическая активность эллинов не позволила им быть безучастными зрителями, борьба претендентов переплеталась с классовой борьбой. Здесь нельзя было удерживать длительное время власть только при помощи военной силы. И Полиперхонт и Кассандр старались найти опору в местном населении, в той или иной партии. Полиперхонт в 319 г. провозгласил «свободу» Эллады, чтобы привлечь на свою сторону демократию. В Афинах народ отменил олигархическую конституцию, введенную Антипатром, олигархи подверглись изгнанию и казни; в частности, был казнен (318 г.) Фокион, в течение 40 с лишним лет занимавший должность стратега и державший сторону Македонии, поскольку она обеспечивала богачам-рабовладельцам господство над массой.

Но дарованная эллинам «свобода» была призрачной, она зависела от проходящих интересов македонского властителя и от переменчивой военной удачи. Кассандр угрожал возрожденной афинской демократии из Пирея, где он прочно утвердился. Афинянам пришлось подчиниться (318 г.), и Кассандр вновь установил в Афинах олигархическую конституцию

с гражданским цензом в 1000 драхм. Вожди демократии подверглись репрессиям. Во главе полиса стал Деметрий Фалерский, который в течение 10 лет был умеренным правителем Афин ἐπιμελητής, προστάτης.

Деметрий был философом, учеником Теофраста и плодовитым писателем. Ему приписывается кодификация аттического права, что дало основание поставить его в один ряд с Тезеем и Солоном. Деятельность его как номотета подтверждается эпиграфическими данными⁴⁵. Философское образование и занятия литературой не мешали Деметрию держать народ в повиновении, в интересах Кассандра и покровительствуемой им плутократии.

Кассандр постепенно подчинил себе значительную часть Эллады и Македонии, заставив Полиперхонта удалиться в Этолию. Гибель Олимпиады, Филиппа и Эвридики, превращение Александра IV в узника устранили законных претендентов на македонский престол⁴⁶. Кассандр породнился с домом Филиппа, женившись на его дочери Фессалонике, и назвал ее именем город, построенный им на месте разрушенной Потидеи. Поднятию престижа Кассандра содействовало восстановление Фив (316 г.), разрушенных Александром. Это было проведено как общеэллинское дело, и взносы на восстановление города поступали со всех мест поселения греков⁴⁷.

Таким образом, в 316 г. ситуация была такова: Птолемей прочно сидел в Египте; в Греции и Македонии господствующее положение занимал Кассандр, а Полиперхонт, номинальный блюститель наследия Александра, был лишен реальной силы и значения; Лисимах сохранял сатрапию, полученную еще при первом разделе; Селевк в Вавилонии пока ничем себя не проявил. В Азии после победы над Эвменом самым могущественным властителем был Антигон. Династия фактически перестала существовать, и о сохранении державы Александра вопрос всерьез уже не ставился. Однако в это время начали вырисовываться контуры новых крупных государств; в первую очередь основой такого государства могло явиться мощное и экономически сильное объединение территорий, находившихся во владении Антигона.

После расправы над Эвменом Антигон на Востоке повел себя как неограниченный властитель. Он стал распределять по-своему восточные сатрапии. Пифон, сатрап Мидии, был казнен, Певкест, сатрап Персиды, был смещен и сошел со сцены. Селевка Антигон потребовал к отчету, и тот счел благоразумным бросить свою сатрапию и бежать к Птолемею. В Экбатане Антигон захватил 5000 талантов, в Сузах – 20 000; остаток казны в Киинде (10 000 талантов) также достался ему; кроме того, нормальный доход с его владений составлял 11 000 талантов в год. Антигон имел, таким образом, громадные денежные средства, чтобы содержать большое войско и стать владыкой Азии.

Но с этим не могли мириться другие диадохи, которые и сами лелеяли мечты о господстве. Против Антигона составила коалиция из Лисимаха, Кассандра, Птолемея, Селевка. Они потребовали, чтобы он уступил Сирию и Финикию Птолемею, признал Кассандра стратегом Европы, возвратил Селевку Вавилон, отдал Геллеспонтскую Фригию Лисимаху. Ультиматум был отвергнут, и началась война.

На этот раз Антигон не имел успеха. Чтобы обезопасить с моря свои владения, он собрал флот из 240 кораблей в противовес флоту Птолемея; затяжная война на суше и на море против сильной коалиции оказалась не по плечу Антигону, хотя его противники долго не имели решающих успехов. Только в 312 г. Птолемей при Газе одержал крупную победу над Деметрием, сыном Антигона, защищавшим его владения с юга, со стороны Египта. Эта победа дала Птолемею возможность занять Сирию и Финикию. Селевк, отличившийся как один из воен-

⁴⁵ См. S. D o w and A. H. T r a v i s. Demetrios of Phaleron and his law giving, «Hesperia», XII, 2, 1943, стр. 144–165.

⁴⁶ Оставался еще сын Александра от незаконной жены Барсины – Геракл. Впоследствии Полиперхонт объявил его царем, но вскоре сам же его казнил.

⁴⁷ Список взносов см. Syll.³ 337.

чальников Птолемея, с отрядом в 1000 человек направился в Вавилон и вновь утвердился там в качестве сатрапа. Это незначительное событие стало началом новой эры, принятой во всей Передней Азии – эры Селевкидов.

Антигон перешел все же в наступление. Он вновь отвоевал Палестину и даже подготовил поход против Египта. Деметрий совершил рейд в Вавилонию, ограбил страну, но не удержался в ней. Ситуация, не сулившая решительных побед ни той ни другой стороне, побудила диадохов заключить мир (311 г.). В связи с этим Антигон выпустил манифест, экземпляр которого, адресованный городу Скепсису, дошел до нас в надписи (OGIS 5 = RC 1). Интересный во многих отношениях текст «манифеста» гласит: «...мы заботились о свободе эллинов, ради которой делали немалые уступки и к тому же роздали деньги, и по этому поводу послали Эсхила с Демархом. Прежде чем достигнуто было соглашение на этот счет, мы участвовали в встрече на Геллеспонт⁴⁸, и если бы кое-кто не помешал, все было бы завершено тогда. Ныне же, когда Кассандр и Птолемей стали поговаривать о мире и к нам явились по этому поводу Препелай и Аристодем, то хотя мы видели, что некоторые из требований Кассандра слишком тягостны, но, поскольку дело шло о соглашении насчет греков, мы нашли необходимым не обратить внимания на это, чтобы возможно скорее уладить главное. Ведь мы считали важнее всего все устроить для эллинов, как мы хотели, а если бы все это затягивалось, при затяжке иногда случается много неожиданного, а нам желательно было, чтобы все касающееся эллинов было улажено при нашей жизни; мы поэтому полагали, что не следует из-за мелочей рисковать устройством дела в целом. А сколько мы приложили в этом деле старания, ясно будет, я думаю, и вам и всем другим из самого содержания соглашения. Когда мы уже завершили соглашение с Кассандрой и Лисимахом, для чего они послали уполномоченного Препелая, к нам прислал послов Птолемей, прося заключить мир и с ним и вписать его в то же соглашение. Мы видели, что нам приходится немало поступиться своим честолюбием, ради которого мы перенесли немало забот и потратили много денег; к тому же тогда уже с Кассандрой и Лисимахом мы договорились и дальнейшие переговоры были уже легче. Но понимая, что, если наладить и с ним (т. е. с Птолемеем), то скорее будет покончено с Полиперхонтом, поскольку никого не останется в союзе с ним, а также принимая во внимание мое родство с ним, вместе с тем видя, что вы и прочие союзники страдаете от военных действий и расходов, мы сочли правильным уступить и заключить мирный договор также с ним. Для заключения договора мы послали Аристодема, Эсхила и Гегесия; они вернулись, получив гарантии, а от Птолемея прибыло посольство во главе с Аристобулом, чтобы получить от нас. Итак, знайте, что соглашение достигнуто и наступил мир. Мы записали в соглашении, что все эллины принесут клятву, что взаимно будут охранять свободу друг друга и автономию, предполагая, что пока мы живы, мы, поскольку это зависит от человеческих расчетов, будем это соблюдать, а на будущее время, если все эллины и стоящие у власти обяжутся клятвой, свобода эллинов останется более прочной». В дальнейшем Антигон предлагает Скепсису принести клятву и обещает впредь по мере сил быть полезным всем эллинам.

Манифест Антигона – образец дипломатической изворотливости и политической пропаганды того времени. Вынужденный силой обстоятельств заключить мир, которым он признает независимость своих соперников, признать Кассандра властителем Европы, отказаться на время от своих честолюбивых замыслов, Антигон представляет дело так, что он печется исключительно о свободе и благополучии эллинов. В этом заявлении есть все же и доля истины. В отличие от Александра, для которого интересы эллинов и македонцев постепенно отходили на второй план, Антигон, по-видимому, в своих планах создания великой державы рассчитывал прежде всего на эллинские и эллинизированные города Малой Азии, Сирии и Финикии, а в дальнейшем, как видно из последующих его действий, на Элладу, хотя потерявшую свое

⁴⁸ В 313/2 г. См. Diod., XIX, 75, 6.

политическое и экономическое значение, но сохранившую свое значение как центр морских коммуникаций, как источник для вербовки наемных армий, как средоточие обширных деловых и торговых связей и, наконец, как великая культурная сила. По той же причине и другие диадохи стремились завоевать и утвердить за собой позиции в Элладе. С другой стороны, Антигон был заинтересован в том, чтобы иметь на своей стороне в предстоящей борьбе общественное мнение.

Обращает на себя внимание отсутствие в соглашении упоминания о Селевке, вновь овладевшем, вопреки Антигону, Вавилонской сатрапией. Как теперь выяснилось благодаря опубликованной в 1924 г. клинописной Вавилонской хронике⁴⁹, Селевк не случайно оказался обойденным в договоре. Антигон не намеревался заключить мир с Селевком: в 311 г. Деметрий совершил экспедицию в Вавилон, и еще под 307 г. «Хроника» говорит о «плаче и печали» в стране, где военные действия продолжались. В этой борьбе вырисовываются первые черты соперничества между Антигоном и новым претендентом – Селевком.

Мир, заключенный в 311 г., не решил ни одного из спорных вопросов и дал воюющим странам лишь кратковременную передышку. Антигон укреплял организационно свое государство, уделяя много внимания строительству и синойкизму греческих полисов. Помимо Антигонии в Троаде и Антигонии в Вифинии, он в 307 г. построил Антигонию на Оронте в северной Сирии; несмотря на поражение при Газе, Антигон укрепил свои позиции в Сирии и, отказавшись от мысли стать владыкой Востока, обратил свои взоры на Запад. Птолемей, не отказавшись от намерения завладеть не только Келесирией, но и всей Сирией, также искал опоры в Греции. Организация «островной лиги» (Киклады) во главе с Делосом под покровительством Птолемея отдавала в его распоряжение морские коммуникации. Под лозунгом «освобождения Эллады» он совершил успешный поход в Грецию и овладел Коринфом и Мегарой; но дела в Египте и Киренаике заставили его вскоре вернуться в Египет.

На этот раз с лозунгом освободителя Греции выступил Антигон. В 307 г. он направил своего сына Деметрия с 250 кораблями в Грецию. Гарнизон Кассандра в Пирее и Мунихии был подавлен. В Афинах была провозглашена свобода, восстановлена демократия. Деметрий Фалерский бежал в Фивы, откуда затем пробрался в Египет и отошел от политической деятельности. Деметрий был принят в Афинах с необычайным триумфом. Две филы были названы в честь Антигона и его сына – Антигониды и Деметриады; обоим воздали божеские почести. Но борьба против Птолемея заставила Антигона отозвать Деметрия из Афин. С большим флотом (163 корабля) Деметрий напал на остров Кипр и при Саламине нанес жестокое поражение превосходящему численностью (200 кораблей) флоту Птолемея. Эта победа послужила поводом для Антигона и Деметрия принять царский титул (306 г.). По их примеру вскоре приняли царский титул также Лисимах, Птолемей, Селевк и Кассандр. Тем самым распад державы Александра получил официальное выражение.

После победы при Саламине Деметрий, ввиду неудачи предпринятого Антигоном большого похода против Египта, направился против Родоса. Этот крупнейший центр эллинистической торговли, связывавший Египет, Азию и Европу, находился в союзе с Птолемеем; овладение Родосом должно было ослабить Птолемея и сыграть немалую роль в укреплении царства Антигона. Осада и оборона Родоса (305–304 гг.), за которую Деметрий получил прозвище «Полиоркет», – одна из интереснейших страниц военной истории. Город Родос был осажден

⁴⁹ S. Smith. Babylonian historical texts relating to the capture and downfall of Babylon, L. 1924. Текст сильно фрагментирован. Затруднения вызывают и даты, сохранившиеся в «Хронике»; даты здесь даются по годам царствования Филиппа Арридея, Александра IV и (один раз) Селевка, но они плохо согласуются с данными литературных источников. Хронология событий, предложенная С. Смитом, другими исследователями отвергнута (Смит согласился со своими критиками). См. S. Smith. The Chronology of Philippus Arrhidaeus, Antigonus and Alexander IV, R. Ass., XXII, 1925, стр. 179 сл.; E. Cavagnac. Le debut de l'ère des Séleucides, R. Ass., XXIII, 1926, стр. 5 сл.; J. Veloc, IV, 2, стр. 616 сл.; RC, 7; M. M. G. L. I. a. n. o. La cronica babilonese sui diadochi, Riv. Fil., X, 1932, стр. 426 сл. Н. В. Пигулевская. Угасающий Вавилон, УЗ, ЛГУ, серия истор., 78, 1943, стр. 42 сл. (автор исходит из неверной датировки «Хроники» временем 322–312 гг.).

Деметрием с суши и с моря. При осаде были применены все достижения тогдашней военной техники, много было проявлено упорства и изобретательства. Здесь впервые была применена гелепола (ἑλέπολις – «берущая город») – громадная девятиэтажная осадная машина, которую обслуживало более 3000 человек. Но родосцы стойко и умело оборонялись. Деметрию не удалось взять город, которому к тому же помогали Птолемей, Кассандр и Лисимах, доставлявшие осажденным продовольствие. В конце концов был заключен мир, по которому Родос сохранил свободу, но вступил в симмахию Антигона, оговорив при этом, что он не будет сражаться против Египта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.